

Елена
АРСЕНЬЕВА

Лесная нимфа

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

Лесная нимфа

«Автор»

2009

Арсеньева Е. А.

Лесная нимфа / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2009 — (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 978-5-699-35611-9

Автор дамских детективов Алена Дмитриева давно встречалась с ним – молодым, красивым и женатым, и ничто не мешало их счастью: ни разница в возрасте, ни законная супруга. Но на все – воля случая... Как-то раз Алена стала свидетелем дорожной разборки. И конечно же, приняла сторону пострадавшего. Тем более что Дмитрий Анненский выдернул писательницу буквально из-под колес иномарки. У Алены тут же появляется незнакомый, но очень опасный враг, которому известно о ней почти все, в том числе о скандальной связи с женатым красавчиком. Незнакомец шантажирует Дмитриеву, требуя выдать спасителя, и ей не остается ничего другого, кроме как обратиться за помощью к самому Анненскому. Вместе им удастся выяснить: у этой истории давние корни, причем они имеют прямое отношение к прошлому Дмитрия...

ISBN 978-5-699-35611-9

© Арсеньева Е. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

1985 год	5
Наши дни	6
1985 год	9
Наши дни	11
1985 год	14
Наши дни	16
1985 год	20
Наши дни	24
1985 год	27
Наши дни	29
1985 год	34
Наши дни	37
1985 год	42
Наши дни	44
1985 год	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Арсеньева

Лесная нимфа

*В том странном сне —
как в старом доме! —
Я был и вышел поутру.
Все в мире стало незнакомым:
Как будто в черную дыру
Я провалился! Мне разгадка
Была дана в том странном сне...
А за окошком тихо падал
С небес инверсионный снег.*

Из стихов Д.А.

1985 год

Майское воскресенье было тихим. Земля уже доверилась теплу, разнежилась трава, млели последние подснежники, кукушкины слезки синели под пушистыми ольховыми кустами. По пригоркам играли в пятнашки одуванчики, птицы заливались в сквозных еще зарослях.

Солнце медленно оглядывало землю, а земля-то большая... Уже усталое светило миновало маленький станционный поселок на Семеновской ветке и покатилося за острые вершины деревьев, так и не заметив ничего необычного и страшного в привычной людской круговерти. А вечером прошел короткий, умиротворяющий дождик.

Миновал май, потом июнь... Июль выдался обжигающим! Короткие ливни изредка выплескивались ночью, а с восходом к городу опять прилипала влажная духота, и солнце еле еле тащилось в поднебесье, словно бы тоже разомлев до полубоморока и мечтая только об одном: «Скорей бы кончилось лето!»

Наши дни

Бывает, что сюжет валяется прямо на земле. Нужно только не лениться вовремя нагнуться и поднять. Если он принимает в это время форму, к примеру, сторублевой бумажки – ясно, что нагнется всякий. А вот если выглядит как десять копеек, а у тебя, к примеру, разболелась коленка, сломанная пару лет назад в городе Париже, – разнылась ну прямо до невозможности от сырой, занудливо сырой погоды, – ну разве ты станешь эту коленку трудить и напрягать, чтобы поднять какие-то несчастные десять копеек? Да нет, скорей всего, пойдешь себе дальше и вскоре забудешь о монетке. Однако на сей раз Алене пришлось-таки нагнуться, хоть коленка и впрямь ныла. Доставая пакетик с одноразовыми платочками, она нечаянно выронила из сумки кошелек, ну а он, конечно, раскрылся – и вся мелочь выпала на асфальт. Мелочь – это было восемьдесят девять рублей, не кот начал: семнадцать пятаков и две двухрублевые монеты, полученные Аленой на сдачу в маршрутке. Это кем же надо быть, чтобы оставить такую кучу денег лежать в снегу? Разве что миллионершей. Однако наша героиня миллионершей отнюдь не была, а была она рядовой русской писательницей-детективщицей, не бог весть какой известной, не сказать чтобы сногшибательно-популярной, но книжки, слава богу, писались и выходили... Но вот какая незадача: гонораров ей вечно не хватало, поэтому она порой начинала экономить даже на спичках.

Алена, с отвращением посмотрев на монеты, лежащие в грязном, растоптанном снегу (ударила какая-то внезапная, лишняя, ненужная оттепель), с тоской огляделась, не скачет ли мимо какой ни есть чокнутый рыцарь, желающий поползнуть в этой грязюке вместо нее, но, понятное дело, не обнаружила такового – и присела на корточки. Стянула перчатки (руки можно отмыть, а перчаткам гибель придет, если отведают этой химической каши) и взялась за дело.

Она собрала почти все монеты, когда вдруг кто-то заорал рядом:

– Берегись!

Вряд ли это было адресовано Алене, ну от чего ей беречься во время такого мирного, хоть и грязного дела, как собирание пятаков? Опасности случайно обнаружить миллион в долларовом (лучше бы, конечно, в евро, но сойдет и в рублевом) эквиваленте не было совершенно никакой... И все же она повернула голову – исключительно по причине того самого любопытства, которое некогда погубило какую-то там кошку, из-за которого некой Варваре на базаре нос оторвали, которое не раз очень сильно подставляло и саму Алену, но все же было основной движущей силой ее характера (сокрытым двигателем ее, как выразился бы Александр Александрович Блок), – и увидела мощную, выпуклую и весьма грязную задницу какого-то автомобиля, надвигавшегося на нее медленно, но неудержимо. А может, ей показалось, что это происходит медленно... как-то гипнотизирующе. Во всяком случае, вместо того чтобы бежать, она зачем-то оставалась на корточках, сжимая в кулаке монетки, глядя на колеса и грязный металл, которые были уже совсем близко, и тупо размышляя, что, кажется, это называется бампер, ну, вот эта хромированная выступающая полоса, которой ее сейчас сойдет, а может, буфер, хотя нет, буфер у автомобилей вроде бы впереди, хотя нет...

В очередной виток глупых и несвоевременных мыслей, которые наверняка оплели бы ее по рукам и ногам, Алена не успела погрузиться потому, что что-то сильно рвануло ее за ворот, заставив приподняться и пробежать несколько шагов на полусогнутых. Строго говоря, это было не что-то, а кто-то: мужчина, который буквально проволоком Алену за собой и отпустил ее только тогда, когда они оказались метра за три от зловещего бампера (будем называть это так, а если мы ошибаемся, знатоки пускай поправят, такова уж их, знатоков, жизненная функция – все и вся поправлять, вероятно, это здорово тешит их самолюбие, ну и на сей раз потешит!). Тем временем автомобиль преспокойно проехал по тому месту, где только что была Алена, плотно

вклинившись между двумя другими машинами. Только сейчас наша героиня заметила, что умудрилась рассыпать свои несчастные монетки на стоянке автотранспорта, припаркованного около магазина «Этажи», куда она, собственно, и направлялась, если точнее сказать, направлялась она в продуктовый отдел этого магазина.

– Нет, ну совсем не смотрит, куда едет! Думает, если номер московский, то все на свете позволено! – раздался рядом сердитый голос, и Алена посмотрела на своего, не побоимся этого слова, спасителя.

Спаситель, высокий худощавый мужчина в распахнутой куртке и простоволосый (у него была ежиком стриженная полуседая голова и румяное, словно бы горящее от возмущения, довольно молодое еще лицо), вприщур смотрел на автомобиль, из-под которого он, можно сказать, только что выдернул одну русскую писательницу. Не бог весть какой подарок человечеству, а все же не кот начхал!

Что-то этот кот задержался нынче в нашем романе... А ну брысь!

Решено: о котах более ни слова. Вернемся к писательнице.

Вышеназванная посмотрела туда же, куда смотрел ее спаситель, прочла на грязной автомобильной заднице: «Lexus LX 570» – и преисполнилась восторга, совершенно в данной ситуации неуместного. Она была очень чувствительна к звукописи, поэтому ее восхищали автомобили марки «Лексус», «Ауди», «Лендкрузер» и «Мицубиши», а также, конечно же, «Рено» и «Мерседес», с ударением непременно на второе *e*, по-испански, а всякие там «Форды», «Фольксвагены», «Тойоты» и «Субару» заставляли морщиться... Про «Мазду», «Пежо», «Шкоду» и «Судзуки» (о боже!) просто говорить нечего! К подвескам, скорости, комфортабельности и емкости топливного бака ее восхищение и невосхищение ровно никакого отношения не имели, все дело заключалось лишь в звучании названий машин. Истинной музыкой звучало, конечно, слово «Виллис», но где теперь «Виллисы» найдешь?! У ее деда был когда-то «Виллис». Теперь дед на нем гоняет всю по занебесным трассам, где нет никаких ограничений скорости. И, конечно, в любую погоду ездит с опущенным верхом. А впрочем, там-то всегда хорошая погода, иначе просто быть не может!

– «Lexus LX 570», – проговорила, точно декламировала Блока, Алена.

– Класс «President», – эхом отозвался спаситель. – Внедорожник. Сто двадцать пять тысяч баксов. Не кот начхал!

Алена глянула было на него возмущенно, потом сообразила: спаситель-то просто не в курсе, что мы решили не упоминать больше этих... серых, рыжих, полосатых, с когтями, хвостами и ушами!

– Понятно, что в такой машине ни хрена не видишь: ни кто у тебя сзади, ни кто спереди, ни кто под колесами, – иронически хмыкнул спаситель. – Припарковался, как дурак. И как он выходить из машины собирается, интересно?!

Только тут Алена разглядела то, что ее спаситель – человек явно опытный – заметил моментально. Массивный «Лексус» – кстати, был он благородного серебристо-бежевого цвета – вклинился в не слишком большой промежуток между двумя менее помпезными автомобилями, и выйти теперь водителю, не задев соседа, было бы затруднительно.

В это мгновение дверца «Лексуса» распахнулась – ну да, она именно что распахнулась, так, как если бы он находился не на теснейшей стоянке, а в чистом полюшке, – и агрессивно врубилась в бледно-зеленый бок стоявшего рядом «Рено».

– Мать родная, – потрясенно сказал Аленин спаситель. – Да что ж ты, мужик...

И осекся, потому что из «Лексуса» показались две длиннющих ноги в шикарных сапожках из змеиной кожи, а вслед за ними – шикарная блондинка в не менее шикарно выщипанной шикарной норковой шубке... ну просто не женщина, а мечта «Гринписа»!

Даже не покосившись на изувеченную дверцу, она захлопнула свою и, тряхнув платиновой гривой (надо ли уточнять, что тряхнуто было шикарно?!), двинулась к магазину. Однако

Аленин спаситель все же справился с оцепенением, сковавшим его гортань, и выкрикнул с детски-обиженным выражением:

– Девушка, вы мне дверцу изуродовали!

Ага, так, значит, это был его «Рено». Вот те на!

Блондинка не оглянулась.

– Вы что, не слышите?! – возопил спаситель на полтона выше.

Блондинка слегка повернула голову на точеной шее... Господи, где, в каком романе Алене уже встречалось это выражение?.. Да ладно, встречалось и встречалось, во-первых, нет ничего нового, чего раньше не было бы под солнцем, а во-вторых, что делать, если шея оказалась именно точеной?!

– Тычодумаешьбудутнатябремятерять? – произнесла она стремительно-небрежно и скрылась за угодливо раздвинувшимися перед ней дверьми «Этажей».

Алене потребовалось некоторое время, чтобы сообразить: произнесено было не одно слово, а самое малое – десять, не считая знаков препинания. Не в силах издать даже звука от такой наглости, она поглядела на своего спасителя. Тот сосредоточенно шевелил губами и, судя по всему, еще пытался, как Золушка, отделить чечевицу от золы, или какую ей там непосильную задачу давала злобная мачеха... короче, пытался докопаться до смысла фразы.

Алена почувствовала, что краснеет. Можно представить, как он отреагирует, когда поймет, что ему ответила эта наглая шикарная тварь. Конечно, разразится матом. Конечно, будет бушевать, махать кулаками, проклиная владелицу «Лексуса», который стоит раза в три-четыре больше, чем его «Рено», это было известно даже Алене, которая в принципе ничего не знала ни об автомобилях, ни об их стоимости. Ну и что толку в этом его махании? Наверное, он побежит в магазин искать блондинку. Устроит ей скандал – публично... Тоже совершенно бессмысленно. А перед тем как ринуться на поиски блондинки, повернется к Алене и бросит что-то вроде, мол, это она во всем виновата, мол, не пришлось бы ему спасти одну дуру, которая ползала в снегу, собирая свои жалкие рубли, он бы успел уехать, был бы далеко отсюда... Только тут Алена сообразила, что все свои несчастные пятаки она уронила в процессе спасения. И теперь они снова лежат в снегу, придавленные мощными колесами «Лексуса». Да ладно, бес с ними, не лезть же снова собирать их! Нужно уходить. И потому, что ноги замерзли, и вообще – пора. А главное – потому, что увидеть беспомощное от злости и злое от бессилия лицо человека, который, вполне возможно, спас ей жизнь... а ведь не исключено, что эта стервоза запросто наехала бы на Алenu и ушла бы, даже не посмотрев, кто это там копошится (а то и не копошится уже!) под колесами, только бросив свое пренебрежительное: «Тычодумаешьбудутнатябремятерять?» – ну так вот, Алене не хотелось видеть этого мужчину слабым.

Поэтому она тихонько попятилась и под прикрытием других машин выбралась со стоянки. Входя в нехотя раскрывшиеся двери «Этажей» (двери, словно прожженные лакеи, ленились: небось чувствовали, что Алена идет не в меховой или золотой бутик, а всего лишь в продуктовый отдел, да и то отнюдь не за икрой черной, не за осьминогами копчеными и даже не за стейками норвежской форели!), она оглянулась и увидела, что спаситель открывает дверцу своего «Рено». Значит, скандала не будет – он просто решил уехать. Ну, может, и правильно, хотя...

Да просто правильно, без всяких «хотя»!

1985 год

– Скорей бы кончилось это поганое лето! – пробормотал Дима, отрываясь от крана с теплой, невкусной водой.

– У вас льда нет? – спросил Леша, открывая дверцу старенького «Саратова» и насмешливо оглядывая полупустые недра.

– Да нет... потерялись где-то формочки, – соврал Дима, чувствуя неловкость и за скудность запасов в холодильнике, и за вранье, и, главное, за то, что ни ему, ни, конечно, матери и в голову не приходило держать хотя бы запас льда в полиэтиленовом мешке, не говоря уже о соках, минералке или – куда там! – пиве... Воду из-под крана с вареньем – вот что он мог предложить приятелям, и только. Ладно хоть записи хорошие, да ведь и те не его...

Сладкие итальянские стоны, доносившиеся из комнаты, сменились ритмичным бульканьем. Дима невольно задергался в такт, но звонок в дверь остановил его. Кто бы это мог... и звонок у них, конечно, пронзительно-резкий, не переливчатое мурлыканье, как у других, прямо-таки бьет по нервам, вроде будильника, который по утрам выдирает из постели. Пошел открывать.

Выглянувшие из комнаты парни увидели, как в прихожую, едва приотворилась дверь, втиснулся массивный мужик в тенниске и грязно-белых брюках и огромными руками стиснул Димины худые плечи:

– Подонок... кровь твоя ржавая! Горбатого могила исправит, так, что ли?

Оттолкнув растерянного Диму, разъяренный гость двинулся в комнату. Ребята невольно расступились.

– Музыку гоняешь, стервец? – гудел гость, и каждая мышца его огромного тела, казалось, вибрирует от ненависти. – Балдеешь помаленьку?

Он бросил взгляд на портативный кассетный магнитофон, стоящий на подоконнике, и на его багровом лице проступила некая обескураженность.

– Это чей маг? – спросил он подозрительно.

– Мой, – спокойно ответил Леша, появляясь из кухни. – А что?

– Тво-о-ой? – недоверчиво протянул мужик. – А мой где? А? Моя «Соня» где? Пришел с работы – «Сони» нет, вельветов черных импортных нет. И фломастеров – набор двенадцать цветов, хотел племяшке на день рождения подарить. Где? – обратился он к Диме, который начал приходить в себя.

– А я откуда знаю? – спросил тот с ненавистью. – Прет, главное, как танк. И сразу сюда, главное...

– А куда же? – почти миролюбиво спросил мужик, утирая ладонью потное лицо. – Куда бежать, как не к тебе? Кому еще такая пакость – ключ подобрать, обворовать! – в голову взбрет, как не тебе, колонисту? Ну, ты у меня покрутишься, ворюга!

Он будто бы слегка оттолкнул Диму, но от этого толчка парень влип в стену, а мужик повернулся и тяжелой поступью вышел. Дверь шарахнулась о косяк. Дима быстро отвернулся и на мгновение прижал ладони к лицу.

Кто-то из ребят выключил магнитофон. Леша иронично глянул в его сторону, сделал было шаг к подоконнику, но остановился.

– Может, скажешь, из-за чего весь этот писк? – спросил он с обычной ленивой насмешливостью.

Дима повернулся. Лицо его было угрюмым.

– А я знаю?

– Похоже, у этого буйвола кто-то слямзил музыку и шмотки, – подал голос Олег.

– Догадливый! – покачал головой Леша. – Сам сообразил или подсказали?.. Мы ведь тоже не глухие. Это сосед твой или как?

– Сосед! – с ненавистью ответил Дима. – Не брал я его музыку! И штаны не брал!

– Не брал – ну и хорошо, – бодро отозвался Олег. – Ну, мужики, мне пора!

Он сунул руку Диме, который машинально ее пожал, кивнул Леше, с усмешкой искривившему губы, и ушел. За ним двинулись еще двое.

– Стас! Игорешка! Мужики, вы чего? Я же не брал его поганую «Соню»! – воскликнул Дима.

– Да нет... уже поздно... мы потом когда-нибудь... – неуверенно тянули ребята. Их привел сюда Олег, и сейчас, без него, они почувствовали себя неуютно, особенно когда увидели, что Дима не столько возмущен, сколько испуган.

Дима с надеждой посмотрел на Лешу:

– Я, честно, не брал...

– Да мне это, знаешь, до лампочки, – пожал тот плечами, вынимая кассету и кладя ее на подоконник. – Нормально! Надо бы взять у Юрки переписать. – Он поднял было магнитофон, однако тут же поставил его и сел на диван.

Диме сразу сделалось легче. Он с надеждой смотрел на Лешу. Тот думал, и это раздумье отражалось на его незагорелом лице с крепким лбом, круглым подбородком и светлыми тонкими бровями.

– Понятно, почему этот дядя сразу рванул сюда. У него же все на подкорке, безмоторно, а ты... с пятном, это он точно сказал. – Леша словно бы говорил сам с собой, но вот поднял глаза на Диму: – Боюсь, что тут тебе никак не вывернуться, так что лучше, – он напряженно свел брови, – лучше бы тебе сдать им... и маг, и вельветы, и фломастеры... и тех, с кем брал эту хату. – В том, что речь его была нарочито блатной, Диме почудилось самое страшное, будто Леша уже не считал возможным разговаривать с ним как с нормальным человеком, будто достоин он теперь только этой «фени». – Понял? Я тебе советую.

Наши дни

Итак, наша героиня вошла в магазин и отправилась покупать свои творожки, яблоки, бананы, а также куриную печенку, которую просто обожала, и не менее обожаемые куриные сердца. Она была полной и окончательной сердцеедкой как в прямом, так и в переносном смысле слова. Ах да, еще она, не удержавшись, купила ванильный зефир (перманентно худеющим дамам отчего-то не рекомендуется есть шоколад, а вот зефир и мармелад разрешается... какое счастье, между прочим!) и кирпичик дико вкусного черного хлеба с орехами и сухофруктами. Не самая полезная еда для похудения, но все же лучше тортиков и булочек. А вкуснотень-то какая!..

Рассчитываясь, Алена недобрым словом помянула блондинку и ее «Лексус». Ей не хватило пятидесяти рублей (тех самых, оставшихся в снегу), пришлось рассчитаться картой. Небольшая очередь немедленно уставилась на нее с неприязненным выражением. Отчего-то задержался этот предрассудок, будто карта – символ несказанно толстого банковского счета. Глубокая ошибка, между прочим. То есть в случае писательницы Дмитриевой – определено!

Кассирша тоже не обрадовалась тому, что приходится совершать чуть более сложные манипуляции, чем те, к которым она привыкла, и сердито приказала Алене, которая чуть замешкалась, собирая свои покупки:

– Кончайте копаться, девушка! Вы задерживаете очередь!

С одной стороны, грубость, которая требовала достойного ответа. С другой стороны, «девушка»...

Алена махнула рукой (мысленно) и кое-как свалила зефир, яблоки и прочее в пластиковые пакеты.

«А вот интересно, – подумала она, – «Лексус» уже уехал или нет? Может, если уехал, я попытаюсь свои монетки собрать?»

Ей было чуточку стыдно за желание непременно собрать деньги, хотя что тут стыдного, совершенно непонятно. Будь там всего лишь один пятак... а то ведь семнадцать их! И еще две монетки по два рубля...

К огорчению Алены, «Лексус» стоял на месте. «Рено» не было, а «Лексус» стоял. Лучше бы наоборот, конечно. Вот разве что подождать, пока уедет? Интересно, бесподобная блондинка скоро выйдет из «Этажей»?

И тут Алена увидела ее. Впрочем, нет, сначала она услышала блондинкин голос. Голос был прекрасен и безупречен, как и ее внешность. С таким голосом только песни петь на скалистых берегах Сомали – никакие пираты не понадобятся, экипажи кораблей будут просто счастливы сдаться в плен прекрасной сирене! Впрочем, дело происходило не на скалистых берегах Сомали (еще не факт, между прочим, что они там скалистые!), а оттого прельстительных песен не пелось. Блондинка выражала совсем иные чувства. Судя по тональности, это было глубокое возмущение, однако вычленить что-то осмысленное из сплошного потока отвязного мата, перемежаемого рыданиями, не представлялось возможным.

«Эк ее разбирает! – с ужасом подумала Алена, не выносившая инвективной лексики в неформальных ее проявлениях. – Да что случилось-то?!»

Вокруг «Лексуса» и его владелицы уже собралась небольшая толпа. Кто-то стоял, с зачарованным выражением смотря на автомобиль. Кто-то подходил, бросал взгляд... лица искажались то озадаченностью, то сочувствием, то злорадной насмешкой... и отходил, покачивая головой.

Подошла и Алена. Подошла – да так и ахнула!

Серебристый, элегантный, восхитительный бок «Лексуса» был весь изуродован глубокими царапинами. Они сплетались в причудливый узор спиральных и прямых линий.

Алена пригляделась. Да нет, это не просто линии... это надпись какая-то. Она подошла поближе, пытаясь вчитаться. Длинное-длинное слово, вернее, несколько слов, слитые воедино. Вроде бы написано: «Я паркуюсь», а дальше? «Я паркуюсь»... какое же там слово, нет, два слова!

– «Я пар-ку-юсь, как ду-ра», – по слогам прочел кто-то рядом с Аленой и аж поперхнулся то ли вздохом сожаления, то ли смешком. И только теперь она поняла, что там было написано: «Япаркуюськакдура».

Ну да... Это «получи, фашист, гранату» в ответ на блондинкино «Тычодумаешьябудутнатебавремятерять?».

– Ё-мое! – раздалось сочувственное бормотанье. – Сурово!

– За что ее так? – раздался еще чей-то исполненный жалости голос.

– Да сволочей полно, видят, что красивая женщина на дорогой машине, – ему ни того, ни другого вовек не занять! – вот и излил дерьмо, – с горечью вынес приговор приятный баритон.

– Нет, на самом деле не так все просто, – невольно пробормотала Алена.

– Что? – Ей в лицо заглянул темнобровый и румяный парень лет двадцати семи в роскошнейшей короткой замшевой куртке. Он был очень красив – так же, как и его баритон, и куртка. В человеке должно быть все прекрасно, совершенно по Чехову! – Вы знаете, кто это сделал? Вы видели?

– А может, это она сама накорябала?! – предположил какой-то вкрадчивый, неприятный голосишко.

– Я только что из магазина вышла. – Алена помахала сумками.

– А может, ты сначала накорябала, а потом в магазин – шмыг!

Алена обернулась к автору этой дерзкой версии. Высокий, худой, красноглазый. Нос длинный, острый. Высунул его из шарфа – и спрятал обратно. Дуремар какой-то, честное слово, из иллюстраций к сказке «Золотой ключик, или Приключения Буратино»!

– Не припоминаю, чтобы мы с вами на «ты» перешли, – ответствовала она с той выскомерностью, на которую была великая мастерица. – Но, кстати, может быть, это именно вы машину изуродовали, а теперь ищите, на кого вину свалить?

– Я? – пренебрежительно вынул нос из шарфа Дуремар. – А мне зачем?

– Ну а мне зачем? – пожала плечами Алена.

– Да мало ли... – туманно предположил Дуремар.

– Девушка, нужно милицию вызвать! – кипятился темнобровый и румяный красавец, подступая к блондинке. – Распоясались, отморозки! Руки рубить за такие акты вандализма нужно!

Алена вспомнила седоватый ежик, по-детски изумленные глаза...

Он не отморозок, точно. И положила руку на сердце можно сказать, что блондинка наказана по заслугам. Жестоко, но по заслугам! Она и впрямь парковалась, как дура, даже как воинствующая кретинка!

Но Алена решила оставить свое мнение при себе. А то вдруг красotka, которая сейчас мечется туда-сюда, заламывает руки и утирает злые слезы (и тушь у нее при этом почему-то не растекается!), обратит на Алену внимание – да и вспомнит, что именно на нее чуть не наехала. И припишет этот «акт вандализма» Алениной распоясавшейся мстительности. Доказывай потом, что ты не верблюд. Ищи тех, кто подтвердит твое алиби. А кто его подтвердит? Кассовый чек? Да, на нем указано время покупки. Но ведь не факт, что сначала ты чем-нибудь не изуродовала «Лексус», а только потом ринулась в магазин. Дурное дело-то ведь совершенно нехитрое!

Нет, лучше уносить ноги, да поскорей. Алена с сожалением посмотрела в грязный снег, под которым были где-то погребены ее восемьдесят девять рублей, простилась с ними... и вдруг заметила у своих ног небольшую картонку.

Мало ли что там могло валяться, ерунда какая-то! Картонка и картонка.

В это мгновение, однако, одна из сумок вдруг вывалилась из Алениных рук и упала рядом с картонкой. Подбирая ее и выкатившееся яблоко (ну что за день такой потеряистый выдался?!), она поближе взглянула на картонку и увидела там надпись печатными буквами: ХА-ХА!

Рядом была нарисована кривая рожица, улыбающаяся во весь рот.

Алена подхватила картонку вместе с яблоком, сунула в сумку и быстро пошла прочь от места, так сказать, происшествия.

1985 год

Зной опадая часам к семи, и предметы словно бы выплывали из раскаленной полумглы. Но было все еще жарко, от рельсов пекло, как от разогретой духовки. Юноша остановился, утомленно подергал рубашку на груди, огляделся. Потом, предупреждая тронув свою спутницу за руку, вдруг соскочил с бетонного полотна вниз, в траву. Девушка удивленно смотрела на него сверху. Очертания ее ног темнели сквозь почти невесомую ткань платья.

– Пойдем здесь, – позвал он, протягивая руки. – Здесь быстрее. И прохладнее.

Она нерешительно посмотрела в заросли травы.

Быстрее... Ей хотелось уже оказаться у него на даче, чтобы прекратить наконец это щемящее ожидание их одиночества вдвоем, и идти туда долго-долго, чтобы это ожидание никогда не кончалось.

– Трава... высокая, – сказала она.

– Трава ласковая! – улыбнулся он.

– Там комары...

– Так ведь ветер!

Тогда она слегка присела, опершись о его плечи, и, спружинив, прыгнула к нему в руки. Он медленно опустил ее, как в тумане снял с бетона сумку с продуктами и шагнул вперед. Девушка покорно пошла по примятому следу.

Разнотравье малиново звенело кипреем, светилось мелкими белыми ромашками. Чем ближе к ложбине, тем выше становилась трава, и здесь, в полутени, чаще попадались бледные колокольчики, словно бы хранившие в своих матовых сердцевинках недоверчивую к солнцу прохладу. У девушки сердце щемило от нежности, когда она заглядывала в белые, глянцевого снаружи и словно бы припудренные изнутри, узкодонные кувшинчики меж острых листьев. Она приотстала, и юноша остановился, ожидая ее. Она побежала к нему, трава оплела ей ноги, она споткнулась, он схватил ее, потянул к себе. В тенистой релочке, в низине, было прохладно – ветер залетал и сюда... Девушка переступила, чтобы стать ближе к нему, но, покачнувшись, выскользнула, засмеялась и села в траву, откинувшись на неожиданную здесь кочку. Подняла смеющиеся глаза – и обмерла, увидев его лицо.

– Что? – Она вскочила, чувствуя стужу меж лопаток, испугавшись неизвестно чего, и от неизвестности той стало еще страшнее. – Что?!

Он стоял зажмурившись, прикусив дрожащую губу. Девушка обернулась, словно боялась выстрела в спину. Никого, ничего в зеленой тени ложка.

– Что?! – затрясла его, затормошила, готовая заплакать.

Он что-то проговорил, открывая помертвевшие глаза и утыкаясь взглядом вниз, и там, где она только что сидела, призывно глядя на него, девушка увидела среди нагромождения кочек, опутанных привядшей травой, искаженную судорогой руку, словно бы выцарапывающую себе путь из-под земли.

...Перед тем как сознание ее погасло, Катерина Долинина вспомнила старшую дочь и от никогда не испытанной ранее тоски и жалости к своей девочке, которая теперь останется без матери, едва не закричала. Если бы она могла, она бы попросила в этот миг: «Не убивайте меня, у меня дочь!» – но не успела и умерла, и лицо ее еще долго было искажено этой маской бессилия, пока с него не исчезло всякое живое выражение...

Катерина Долинина... То, что когда-то звалось Катериной Долининой, уже стало сродни больше земле и смерти, чем человеку, имевшему живое имя, когда ее тело вытащили из-под привядшего, аккуратно срезанного и уложенного кочкарника и увезли в морг.

Никита еще походил по полянке, шлепая на шее тонкоголосых комаров. Ему не хотелось даже себе показывать своего беспокойства, но здесь, в этом могильном сумраке, его нервировали и комары, казавшиеся страшными, будто напившимися трупного яда. Он понимал всю чепуховость таких мыслей, но ни их, ни комаров не мог отогнать.

Сгущались вечерние тени. Он пошел по заметно смятой траве к станции, вспоминая, что после того, как еще в мае стало известно об исчезновении Катерины Долининой, большая часть жителей станционного поселка уже была опрошена работниками милиции. Участковый и следователь работали дотошно, но случайный свидетель сбил их с толку, показав, будто видел женщину, схожую с Долининой, которая садилась в семичасовой поезд. А поскольку именно в тот вечер Долинина действительно должна была ехать на дежурство в областную больницу, где работала санитаркой, новые следы ее стали искать уже в городе. Но там все будто густой паутиной затянуло. И вот... ее случайно нашли в двух шагах от станции, в нехоженом, туманном логе.

Никита подошел к щиту с расписанием поездов и переписал нужные рейсы в блокнот. Судя по всему, этими поездами ему теперь придется поездить.

Наши дни

Отчего-то эта дурацкая история около магазина все не шла у Алены из головы. Она уже и поела, и посуду помыла, и зашила колготки в сеточку, порванные на прошлой милонге (наша героиня увлекалась аргентинским танго, а милонга – это именно вечеринка, где танцуют только аргентинское танго)... На счастье, колготки порвались не необратимо – на видном месте, а на пальцах: теперь, если их надеть в следующий раз задом наперед (они же двусторонние, без разницы, как носить), шва не будет заметно. Тангеры – то есть дамы, танцующие танго, – должны непременно носить колготки в сеточку, не то все танго-боги, от Гарделя до Гавито, перевернутся в гробах. А цены нынче... сами понимаете! Вот и приходится заниматься, так сказать, изысканным рукоделием.

Ну вот, стало быть, колготки были зашиты, а нового дела Алена найти себе не могла. Настал вечер. Предстояло садиться за роман.

Боже мой, кто бы только знал, до чего это трудно – начинать новый роман! Невольно вспоминаешь Бунина с его паническим страхом перед первым белым листом бумаги. Такой же страх охватывал Алену при виде девственного экрана монитора (она ваяла свою нетленку на компьютере). Особенно когда сюжет реял в далах заоблачных и не вырисовывался вообще никак.

Она открыла любимый пасьянс «Паук» и сложила его. Первый раз не получился, второй – получился, но просветления в алчущем сюжета мозге так и не произошло. Что бы еще такого вдохновительного себе устроить? Может, плоточек картины?..

Нет, лучше не надо. Спать захочется, вот и все.

«Ах да! – подумала Алена. – Я сегодня еще на форум не заходила. А вдруг там что-то новое про расписание или про очередную милонгу? Вот сейчас быстренько загляну – и за работу, честное слово!»

Перед кем она оправдывалась, непонятно. Наверное, перед светлыми образами редакторов издательства «Глобус», в котором была постоянным автором и, видимо, приносила ему какую-никакую прибыль, если ее детективчики в том издательстве печатали и уже напечатали просто-таки астрономическое их количество...

Она вышла на городской форум nn.ru, который очень любила и который не раз помогал ей в тех небольших расследованиях, которые иногда навязывала ей «жизнь, судьба и злые люди»... это вроде бы цитата, только не вспомнить, из кого. На форуме было множество подразделов: Бабский форум (треп обо всем на свете, иногда забавный, иногда пошлый, иногда удручающе тупой), Свободный (мат-перемат, нервных и женщин просит удалиться), Городской (здесь изошрялись несостоявшиеся политологи-критиканы), Литературный (скучновато на нем было, но Алена считала своим священным долгом порой там отмечаться), Автофорум (интереснейший не только для автомобилистов, но и для всего прогрессивного, так сказать, человечества: именно там Алена невзначай нашла разгадку одного странного автомобильного номера, словно бы явившегося из далекого 1937 года)¹, и другие, среди которых для Алены самым интересным был, само собой, форум Танцевальный, название которого говорило само за себя. Именно здесь чаще всего мелькал ник «Molinete», который без ложной скромности присвоила себе Алена.

А что такого? Молинете – это фигура в аргентинском танго, такое красивое колесо, которое партнерша совершает вокруг партнера. Ник на зависть для тангеры! Придется еще раз пояснить, что тангера – это дама, которая танцует аргентинское танго. Ну, в этой теме чего ни коснись, все нужно пояснять! Поэтому мы от нее отступим.

¹ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Черная жемчужина», издательство «Эксмо».

Ничего нового на форуме не обнаружилось. Периодически он впадал в глубокую информационную спячку. Алена копнула несколько старых тем, зевнула, поняла, что более бегать от исполнения своего писательского долга не удастся, и уже собралась было закрыть «Орега», как вдруг взгляд ее упал на рубрику «Свежие темы форумов» в самом низу страницы. Обычно там по выбору Робота форума, столь же одиозной, сколь и забавной фигуры главного модератора, помещались темы, которые выскакивали на первое место в приоритетах того или иного форума. На «Недвижимости» *Ivan01* вопрошал: *«Есть 2 м рублей хочу купить квартиру в Нижнем, возможно?»* На Свободном *Красивое лицо* (ужас в натуре, Алена знала сего господина в реале!) сообщало со свойственной этому форуму детской непосредственностью: *«Туристка в онлайн сидит, лярва!»* На Бабском *Анюта Логан* интересовалась: *«Вот почему женщины такие влюбчивые создания?»* На ФСО (Форуме сексуального опыта) некто с ником *Срочно надо:-)* запостил тему под названием *«Секс и ничего более...»*. А на Автофоруме в первых рядах популярности шел сабж, открытый неким человеком с ником *Внеформата* и называвшийся *«Страшная месь»*.

«Занятно! – подумала Алена. – Как говорится, ффтемую!»

Ну и, разумеется, вышла на Автофорум.

Тема «Страшная месь» возникла буквально пять минут назад, однако в ней уже набралось штук 15 откликов. Офисный планктон, составлявший большинство посетителей как этого форума, так и всех прочих, еще не до конца задавленный строгим лимитом трафиков и не полностью сорванный с теплых мест массового ничегонеделания ледяным ветром кризиса, близко к сердцу принял старт-топик, дословно выглядевший так:

«Супербыдло вовсе распоясалось! Одна моя знакомая оставила сегодня новый «Лexus» – «Lexus LX 570» – на стоянке около «Этажей», ушла в магазин, а когда вернулась, обнаружила, что весь бок изуродован. Кто-то методично исполосовал его острым предметом, то ли гвоздем, то ли еще чем. Разумеется, никаких свидетелей нельзя было отыскать. Почему, за что?! Такое впечатление, просто отомстил красивой женщине за то, что она ездит на дорогой машине. Вызвали гайцов, да что толку? Само собой, и КАСКО, и ОСАГО в полном порядке, но это сколько нервов потратить нужно... Нашел бы этого отморозка – ну убил бы!»

Алена чуть не подавилась от возмущения и изумления. Она ничуть не сомневалась, что речь идет именно о том случае, непосредственной свидетельницей, можно даже сказать – соучастницей которого она была. Но это же надо так все оболгать! А все-то верят! И с каким сочувствием отвечают!

Мудрый Змей

Да уж, распоясались((Я бы тоже убил(((

Goodman

История реальная?! Просто не верится. И неужели никаких свидетелей?! Сволочь какая это сделала, кошмар!

Mirage

В «Этажах» на стоянке охранник есть. Он куда смотрел?! Или пос...ть отошел?! Сочувствую Вам и Вашей знакомой.

Секрет

+1, совсем обнаглели! Как будто кто-то виноват, что у них самих лексов и мерсов нет!

Претивумин

Нигаварика этот пролитариад скоро новую ривалюцию начнед, ебм!!! Меня пинули в передний бампер када ухатила в киношку якабы я его сваим мерсом запырла на стоянки на 3 часа гавно так и перла из ниво и иво вониючей лады ну я была ниадна у маиво другаа чорный пояс навтыкал ниже пупка этой ладе век будет помнить сука

Технік

поржал

Мурлыка

В «Этажках», кстати, камера наблюдения должна быть. Потрясите начальство. Конечно, без бабла они не почиутся, но, такое ощущение, у Вашей знакомой полны карманы этого дерррмаа))))

Всепопых

Да ничо не выдет если нет свидетелей. Жалко, поймать бы этого мурла и прямо мурлой об асфальт поюзать. А потом тем же гвоздиком глазки ему выковырять, итобы не зарился на чужое добро.

Джек

Беднота жжжет, факт. Когда поймут, наконец, что их совковое равенство похоронено в жопе тов. Брежнева?! Мля, до инфаркта ведь доходят от зависти к владельцам дорогих машин. Я знаю, что говорю, у меня тоже лекс, я когда его купил, уборщица в нашем офисе померла. Увидела и померла. В натуре, мля! Ну, может, скоро ффсе эти пенсионеры нищие повымрут, злобой задавятся своей, легче дышать станет. А таких, как Ваш хренов пейсатель, нужно линчевать без суда и следствия!

Все прочее было в этом же роде, и только человек с ехидным ником *Ню-ню* несколько изменил общую тональность, подхихикнув:

А ты не ездй на лехусах, пешком ходи, и тебе никто ничего на дверце не напишет!

Надо ли говорить, что нашу героиню трясло от гнева?! И надо ли говорить, что она не прошла мимо такой вопиющей несправедливости? И решила немедленно внести ясность в обсуждаемый вопрос. Она уже кликнула было на кнопку «*Ответить*», но вдруг ей пришло в голову, что ник *Molinete* будет воспринят посетителями Автофорума как нечто несерьезное. Нет, ну в самом деле... *Бэкингом*— это куда более весомо, грубо, зримо! Поэтому Алена нажала на кнопку «*Выход*» — это означало, что Робот форума перестал ее «узнавать», — и снова вошла на Автофорум под ником *Бэкингом*. Пока она проделывала все эти манипуляции, ее желание возражать автору сабжа подостыло. Ну ведь единственный способ внести ясность — это объявить его лгуном. А ведь он просто не знал, как на самом деле развивались события, судил только со слов этой пакостной блондинки. Зачем ставить человека в неловкое положение? Не лучше ли поступить более дипломатично? Поэтому Алена просто завела новую тему, недолго думая, назвала ее «*Страшная месть-2*» и написала вот такой сабж:

«Авто я не возжу, Бог миловал)), и нету его у меня, на счастье пешеходам и мне)), но чувства, обуревающие героя нижеследующего пассажира, понять способна))»

На стоянке около «Этажей» в узкий промежуток между двумя авто впихивается дама на серебристо-сером «Лексусе-570». Въезжает с разгону: даже мне, сторонней наблюдатель-

нице, видно, что очень лихо, шикарно, а скорее наплевательски, поскольку становится очень близко к машине, которая от нее слева. Сильно распахивает дверь, шарахает бок соседа, ничуть не озабочась этим, выходит, захлопывает дверцу, включает сигнализацию и шикарно плывет к магазину.

Пострадавший мужчина, понятно, выражает возмущение, причем очень деликатно, без матов, говорит что-то вроде: «Девушка, вы что, не видите, вы разбили мне дверцу!»

Она – через плечо – выдает неконтролируемый поток речи, выловить смысл которого удастся далеко не сразу: «Тычодумаешьябудутитнатебявремятерять?!» И удаляется.

Я тоже ушла в магазин. А когда вернулась, увидела, что ни мужчины, ни его автомобиля уже нет, а около «Лексуса» собралась толпа.

Оказывается, весь бок «Лексуса» жестоко исцарапан словами: «Япаркуюськакдура».

Картина впечатляющая, девушка в истерике. Виновник – ясно кто. Но обвинять его у меня почему-то рука не поднимается. А у вас?»

Перечитала, кое-где поправила опечатки, на которые была большая мастерица, – и отправила на форум новую тему.

1985 год

*В отделение милиции сельского района
от Маслякова Евгения Евгеньевича,
проживающего по адресу: пос. Сортировочный,
ул. Пригородная, 16 а, кв. 49*

Заявление

4 июля этого года, придя домой, я обнаружил, что у меня была совершена кража. Хотя замок не сломанный и дверь в порядке. Наверное, воры подобрали подходящий ключ. В квартире тоже порядок. Украден портативный японский кассетный (без кассет) магнитофон марки «Сони», по цене 380 руб., вельветовые черные датские брюки 56-го размера, по цене 100 руб., польские фломастеры, набор в 12 цветов, по цене 6 руб. Всего ущерб причинен на сумму 486 руб. Все вещи импортные. Прошу считать меня по делу потерпевшим и все вернуть.

*Имею подозрение на несовершеннолетнего Анненского Дмитрия (учится в ГПТУ № 31), который отбывал недавно срок в колонии для малолетних преступников. Проживает Д. Анненский в нашем доме, в кв. № 4.
Потерпевший Масляков*

– Совершенно замечательное заявление! – сказала Наталья, и ей захотелось взять ручку и исправить грамматические ошибки. – И даже преступника искать не надо: вот он, тут, Дима Анненский. Ты его знаешь, Лариса?

Лариса Соломатова, инспектор комиссии по делам несовершеннолетних, наклонила коротко остриженную голову:

– Я их всех знаю. Дима... Ну что Дима? Нормальный парень. Был в колонии. Его еще Серегин вел, твой предшественник. Дима с дружкой растормошили киоск «Союзпечать» из-за каких-то «фирмовых» сигарет. Дали три года, отбыл год, освобожден досрочно по Указу об амнистии. У него только мать, работает санитаркой. Ведет себя тихо – это я о Диме, разумеется. Ничего плохого о нем сказать не могу. Он мне даже чем-то нравится.

– Похоже, он нравится только тебе, – вмешался Саша Дуглас, оперуполномоченный отделения. – Соседи-то ему не доверяют. Нет, ничего шибко плохого тоже не говорят: ну, угрюмый, ну, музыка допоздна, когда мать на дежурстве, ну, стоит с дружками вечером в подъезде – обычный джентльменский набор, ничего выдающегося. Однако едва спросишь, мог ли Дима Анненский залезть в чужую квартиру, как тут же и начинают: конечно, он ведь был в колонии, а кто раз запачкался... Тут они единодушны, соседи.

Пока Саша говорил, Наталья прятала глаза в бумагах, чтобы не рассмеяться, такой покорный, размягченный был у него взор. Наталья уже попривыкла к тому, что черные, жгучие и притом слегка жуликоватые глаза Саши в ее присутствии словно бы подергивались влагой, но порой все-таки не могла скрыть улыбку. В Саше ее забавляло все: и приземистая крепкая фигура, и стремительная походка эдакого цыгана-конокрада («Мой дедок коней крал!» – чуть подвыпив, бахвалился он до тех пор, пока это не услышал однажды начальник отделения и не сделал Саше крепкий втык за то, что афиширует свое родство с преступным элементом, и не иначе его фамилия взялась от клички какого-нибудь воровского авторитета!), и провололочные вихры, не признающие никаких расчесок, и синее от частого – и чем чаще, тем оно делалось

синее! – бриться лицо, и эти глаза с поволокой... Форма смотрелась на Саше абсолютно чуждой, как, впрочем, и любой другой цивилизованный костюм. Но однажды Наталья оказалась с ним в одной группе на полевых работах и поразилась тому, насколько красит Сашу простая рабочая одежда: кирзачи, в которые были заправлены старенькие брюки, заношенная клетчатая рубаша с распахнутым по причине отсутствия пуговицы воротом и закатанными рукавами, – как естествен он среди просторной земли, на вольном ветру. Был Саша к тому же очень добрый человек и отменный работник, и стоило преодолеть первое минутное замешательство, как уже хотелось излить ему душу и рассказать все, что видел, слышал, знал по тому или иному делу.

Жаль только, что рассказывать на этот раз было почти нечего. С двух до пяти пополудни, когда вор «навестил» квартиру Маслякова, дома не оказалось практически никого из соседей, а те, что были, никого и ничего не видели, не слышали и не знали. Только третьеклассник Рома Пирогов («Пирогов Роман Юрьевич, 1976 года рождения» – так он значился в записях Дугласа), живший этажом выше Маслякова, вспомнил, что видел «какого-то дяденьку» в подъезде. Рома только что пришел со школьной площадки (около четырех часов) и искал в прихожей за тумбочкой затерявшийся воланчик для бадминтона, как вдруг услышал, что стучат в соседнюю дверь. Там не открывали, и понятно: соседи отдыхали на курорте. Очевидно, гость этого не знал. Рома высунулся и выпалил:

– Тетя Женя и дядя Миша уехали в Одессу!

Светловолосый мужчина в джинсах и желтой майке с иностранными буквами на груди растерянно вымолвил:

– Уехали... Эх... жаль! Ну, в другой раз приду.

Он пошел вниз по лестнице, а Рома опять стал искать воланчик и нашел-таки его, правда, не за тумбочкой, а в одном из маминых резиновых сапог, в которых она ездила на дачу.

Больше никого из посторонних в третьем подъезде дома номер 16а по улице Пригородной не заметили. Да и «дяденька в желтой майке» интересовался совсем другой квартирой, не той, где произошло ограбление. Никто, кроме Ромы, его не видел. Имеет ли он отношение к краже? Где его искать?

– Да, кстати, – продолжал Дуглас. – Игорь Маккавеев, восьмиклассник, тоже никого не видел. Ничего о краже сказать не мог, но вскользь упомянул, что у парнишки из его класса (в соседнем доме живет), у Виктора Косихина, любопытнейшее хобби: он коллекционирует ключи от старых замков.

– Ничего себе хобби, – удивилась Наталья.

– Господи, да чего эти мелкие только не собирают, – махнула рукой Лариса. – Сегодня календарики, завтра ключи, послезавтра...

– ...деньги на «Жигули», – в том же тоне продолжил Саша и первый же рассмеялся. – Однако же Масляков в этого Анненского чуть ли не пальцем тычет.

– Ну что ж, вызовем для начала Диму, – сказала Наталья. – Может, и прав ваш потерпевший.

– Масляков сам кого хочешь потерпевшим сделает. Объемистый мужик, – не без почтения покачал головой Саша.

– Не пойму, зачем Диме джинсы 56-го размера? – вмешалась Лариса. – Туда четыре таких, как он, поместятся.

– Джинсы можно продать.

В голосе Натальи помимо воли проскользнуло раздражение. Лариса сразу уловила это, бросила понимающий взгляд на Сашу и вышла, улыбаясь. Наталья совсем расстроилась... К счастью, в дверь заглянул старшина АХО: с ним Наталья накануне поссорилась из-за старых, расшатанных стульев, на которые сажать посетителей было уже опасно, и, видимо, старшина явился выяснять отношения. Но темпераментный Саша Синицкий буквально вцепился в него

и потащил показывать давным-давно покривившийся, но по-прежнему не прибитый толком стенд социалистического соревнования.

Наталья перевела дух. Может, добрый боженька на сегодня уже избавил ее от Саши? Нет, вряд ли. Но спасибо хотя бы и за этот маленький перерывчик.

Она выписала повестку Диме Анненскому на понедельник, набросала на листке перекидного календаря список самых неотложных дел на следующую неделю, убрала бумаги в сейф и еще немного подождала, стоя у окна и стараясь не смотреть на телефон.

Здание сельского районного отделения милиции было очень старым. Когда-то его построили почти на окраине, а сейчас кварталы окружили его и протянулись дальше километров на двадцать, так что сельское отделение милиции оказалось чуть ли не в центре города – правда, в глухом проулке. Одноэтажный длинный дом осел и покосился, завалинки напирали на вросшие в землю стекла. Натальино окно почти целиком закрывал невысокий, покрытый поздними одуванчиками пригорок. Еще виднелся краешек трамвайной остановки и кусочек неба. Сегодня небо было белесо-голубым, выцветшим от жары. Звонки трамваев были похожи на телефонные...

Наконец зазвонил и телефон. Наталья к нему так и бросилась! Но позвали Ларису. Наталья постучала в стену и, когда Лариса сняла трубку на параллельном аппарате, положила свою.

Лучше пойти домой. Никита, наверное, думает, что она уже там.

Когда Наталья проходила мимо дежурной части, из-за барьера высунулся Саша Дуглас:

– Можно тебя проводить?

– В другой раз.

– Наташа... завтра выходной.

– Ну и что?

– Что будешь делать?

– Поеду к Лидочке, потом стирка.

– Хочешь, помогу стирать?

Наталья улыбнулась. Странно – когда относишься к человеку просто по-дружески, его любовь к тебе кажется внезапной, несерьезной и никчемушной. Больно только то, что болит у тебя самой.

– Тогда возьми меня к Лидочке, – жалобно продолжал Саша.

– Нет, Сашенька, ничего не получится. Я еду с соседями, на их машине. Они вдвоем, малыш, я – как раз все места заняты. Да и неудобно...

Саша печально кивнул:

– А им чего туда?

– Их старший сын с Лидочкой в одном отряде.

– Поехали на автобусе, а? – взмолился Саша.

– Бог с тобой! С сумками, давка, всю дорогу стоять до обморока... А там еще и от конечной километра два топать.

– Я понесу все сумки! – пламенно заверил Саша.

– Нет, ты извини, мы с соседями уже договорились, да и Лидочка ждет меня с самого утра, а на автобусе едва ли к полудню дотащимся.

Саша посмотрел с детским упреком и отвернулся. Дежурный Курдюков исподтишка подмигнул Наталье и указал кивком на дверь: беги, мол, скорей! Наталья улыбнулась Курдюкову и выскочила в коридор.

По узкой тенистой аллее дошла до остановки. Жара притихла, повеял ветерок. Солнце укатило за высокие деревья парка, и свет его стал мягким. Хорошо бы пройти пешком... Но Наталья села в автобус и, поглядывая на червонное золото заката, наполнившее чашу неба до краев, всю дорогу мысленно торопила шофера.

Телефонный звонок она услышала еще на лестнице, но пока добежала до своей квартиры, пока открыла, чуть не свернув ключ, волнуясь, что не успеет... Успела! Схватила трубку:

– Аллю!..

– Уже доехала? – заботливо, как ни в чем не бывало, спросил Саша Дуглас.

Несколько минут пустопорожне-дружеского разговора, который, Наталья это чувствовала, Саше все время хотелось перевести на другую тему, а она торопилась завершить, – а потом телефон замолчал на весь вечер. И в десять он молчал, и в пол-одиннадцатого, и в одиннадцать. Без двадцати двенадцать Наталья, не выдержав, набрала номер сама. «Скажу, что волновалась», – повторяла про себя такое привычное, такое надоевшее оправдание. Долго не отвечали, наконец сонный Никитин голос проворчал:

– Вас слушают.

Наталья зажала рукой мембрану и, послушав немного, как злится Никита, положила трубку. Главное, что он дома. Но почему не позвонил, ведь договорились?..

Почему? Будто она не знает почему!

Наши дни

Алена совершенно забыла одну стародавнюю поговорку: «Посеявший ветер пожнет бурю».

Нет, ну в самом деле! Полтора часа —!!! – «Страшная месть-2» не сдавала верхних позиций в перечне форумских тем. И все это время Бэкингом торчал на форуме, так или иначе реагируя на многочисленные отклики. В основном они сводились к резюме: «Зачет мужику!!!:)» (вариант: «Бабе по репе, мужику – медаль») – и одобрениям этого вывода, выраженным привычной формулой +1 (или +2, +3, +4 etc.). Иногда оценки оказывались более развернутыми, иногда форумчане приводили весьма живые примеры подобных случаев, так что, читая распухающую на глазах тему, Алена весьма пополнила свое знание жизни вообще и нравов автомобилистов в частности, а также многое узнала о правилах писать без всяких правил:

Soin

+10 всегда за в ситуациях когда моральное возмездие случается раньше законного...

Мореход

Тока остался мужык с поцарапанной дверкой...

Бэкингом

Ну, дамочка была больше поцарапана)))

Аудия

че дамочка, она наверное уже на новой ездит)))

Мореход

Во-во... проще было вызвать ГИБДД и найти свидетелей...

З.Ы.

А после отъезда ГАИ поцарапать ей дверь)))

Алена, как всегда, хихикнула над остроумием форумчан, которым лень было менять язык набора, а потому они вместо английских букв P.S., ничуть не обинуясь, употребляли их русские клавишные аналоги: З.Ы.

И продолжала читать:

Микки-Маус

шины колоть надо было плюсом....

Вертлявый Ветер

ну тогда уж и кирпичами закидать, чтоб всю душу отвести)))

Сосед

А как еще с такими, ей по барабану что с машиной, или хахаль, или муж платят)))

Слесарь Афоня

Меня когда заперли у Шоколада и я провел около часа пиная машину я очень расстроился.....прокол все 4 колеса, дождался когда слева выедет машина и выехал вслед за ней..... совесть меня совершенно не мучила

Бэкингом

Впечатляет))))

Слесарь Афоня

вот такой я забавный зверек;-)

Focus

я один раз дождался 40 минут, разбил морду мужику, сам отогнал его машину и ключи выкинул в сквер....

Слесарь Афоня

Я бы тоже рожу разбил, но не дождался никого;-)

Номо

*вот ты герой ппц
тормозной шланг надрезал бы еще:))*

Слесарь Афоня

Ему и так наверное прикольно было...

Доктор 0

Я перепарковался так, что закрыл ранее запирающему меня выезд. Купил мороженое и сидел смотрел, как он обдираясь об деревья и матерясь выезжает...:)))

TelepuzziK

Ну вот и засветился:) Сейчас к тебе очередь «пострадавших» за сатисфакцией выстроится:)

Грызун

С людьми жить – это вам не лобби кюшать!

Web

*мужик слегонца ступил)
я бы такой казе просто болтики (гайки) всех! колес сильно ослабил бы или на 1 секретке оставил пока она ходила и вызвал бы укротителей зебр)
такие истории творятся постоянно у крупных магазинов и я практически каждый раз ожидая по 20 минут занимаю себе место
приходишь и рассматриваешь потом царапины на зеркалах и вмятины на дверях до кучи в заде стоит Лексус перекрыв выезд
пинешь по колесу, полчаса ждешь приходит мадам с наглым выражением рожки, типа ты тут щенок чего хотел
пусть разок слетает куда нить неуправляемо, подумает и всем своим подружкам расскажет*

Мечтательная

жесть....я б ментов вызвала на месте мужика, пока эта мадемуазель шмотки покупает

Волгарь

*АГА!!! Заехал на минуточку купить батон хлеба – и ОПА!!! жди пять часов ГИБДД.
Зашибись поужинал!!!*

Мечтательная

Да-а... Я тут наблюдала как-то у Рамстора, как пара девиц, загрузив в свое авто продукты, отправили тележку с толчка в сторону лестницы, а та, со стенкой столкнувшись, траекторию поменяла и со всей дури в морду другой машинке влетела! Вмятина здоровая была, и краска облупилась в месте удара на иномарочке! Девицы переглянулись, улыбнулись и с места ломанулись.

Хромоног

Мужик был прав, когда закон бессилен, в ход идет самосуд (уроки жизни).

Garold

Третий закон Ньютона еще никто не отменял)

Прочитав это, Алена чуть-чуть напряглась. Третий закон Ньютона?! Это было уж слишком для ее нежного разума. Про Ньютона она совершенно точно знала, что ему на голову упало какое-то яблоко. Кроме того, при этом имени в памяти почему-то возникала намертво вбитая в школе формулировка: «На тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, направленная вертикально вверх и равная весу жидкости, вытесненной телом».

Может, это и есть третий закон Ньютона?... Нет уж, лучше в Google'е пошарить.

Буквально через несколько минут наша героиня весьма существенно пополнила свое образование. Так, к ужасу своему, она узнала, что насчет жидкости и погруженного в нее тела просветил человечество вовсе не Ньютон, а Архимед. А Ньютон доказал, что, во-первых, существует инерционное движение, во-вторых, ускорение, а в-третьих, сила действия равна противодействию.

Алена фыркнула. Этот самый третий закон Ньютона давно и более успешно сформулирован простой русской поговоркой: «Как аукнется, так и откликнется!»

1985 год

Чтобы добраться до Лидочкиного пионерлагеря, сперва приходилось около часа болтаться в желтом душном «Икарусе», потом дожидаться рейсового автобуса до Виноградовки, ехать минут двадцать – и еще с полчаса идти по лесной дороге, то и дело шарахаясь на обочину, чтобы пропустить набитые родителями и снедью легковушки: этот путь вел сразу к трем разным лагерям. В разговоре с Сашей Наталья покривила душой: соседи приглашали ее, но она отказалась поехать с ними. Неловко стеснять посторонних, да и самой ей не хотелось чувствовать себя все время будто на привязи к машине. Однако уже на полпути Наталья пожалела о своей щепетильности. Сумка набралась очень тяжелая, и, чтобы не стоять всю дорогу, пришлось сесть в автобус на две остановки раньше – занять место. Автобуса долго не было, и народу набилось – летнего, дачного, непрошибаемого – до стонов и охов. Наталья все маялась оттого, что сидит, хотя теснота двинуться не давала, да и сумка внушала невольное уважение своими габаритами. Наконец к Наталье оказалась притиснута женщина с мальчишкой лет пяти. Наталья обрадовалась и, кое-как сдвинув сумку, затащила малыша к себе на колени. Тот, укачавшись, тотчас задремал, тяжело навалившись на сумку, которая совсем уж приплюснула Наталью к спинке. Наталья вскоре почувствовала, что платье на коленях почему-то влажное, но повернуться, сесть удобнее было решительно невозможно. Мама мальчика, распаренная и замученная, вцепившись в поручень, чтобы не унесло от сына, бросала на Наталью благодарно-молящие взгляды: мол, потерпи еще!.. Наталья и терпела. Когда же автобус на конечной остановке разгрузился и Наталья смогла подняться, спереди на ее светло-зеленом платье темнело большое розовое пятно: оказывается, опрокинулась баночка с засахаренной вишней...

Весь остальной путь Наталья проделала с прижатой к животу сумкой. Когда, полуживая от усталости, сконфуженная и злая, она добралась до ворот лагеря, то увидела только хвост пионерского строя, окруженного родителями, под трубы и барабаны шествующего в клуб. Позади плелась длинноногая понурая фигурка с косым треугольником галстука меж худых лопаток. Наталья узнала дочь и едва не всхлипнула от жалости к ней и к себе и от внезапно нахлынувшего счастья, что у нее все-таки есть Лидочка и сейчас можно будет расцеловать и ее круглые карие глаза в круто загнутых черных ресницах, и тоненький носик, и, как всегда, замусоленные, широкие, мягкие ладошки и, уткнувшись в легкие, беспорядочно выующиеся волосенки, почувствовать теплый, родной запах.

Оглянувшись на оклик, Лидочка взвизгнула и, отбрасывая в стороны, будто лишние, худющие загорелые ноги, бросилась к Наталье. Подпрыгнула, вцепилась, стиснув, для надежности, не только руками, но и коленями, поскуливала блаженно, однако очень скоро приняла успокоенный и деловой вид. Радость оттого, что мама все же приехала, была сильнее необходимости ее постоянного присутствия рядом, поэтому Лидочка с легкой душой убежала на концерт, в котором должна была читать стихи, а Наталья пошла по опустевшему лагерю искать, где все-таки можно привести себя в порядок.

В столовую и медпункт идти она постеснялась. В стороне от лагерных площадок и корпусов стоял беленый домик в четыре окошка. На веранде его сушились белоснежные передники и косынки. В домике оказалась миловидная светловолосая девушка лет семнадцати, которая, как в сказке, сидела у окошка и прилежно что-то шила. Она сразу же прониклась сочувствием к Наталье, поохала над испорченным платьем, налила в тазик теплой воды, разыскала в тумбочке таблетку гидроперита и проворно оттерла пятно. Платье выполоскали, повесили сушить, и хозяйка, оказавшаяся подсобницей с кухни и назвавшаяся Людой, увела Наталью за простынку, перегоревшую комнату.

– Заморились? – ласково спросила она, поглядев на Наталью. – Не переживайте. Да вы прилягте, отдохните. Концерт не скоро закончится. А я схожу за утюгом в гладилку.

Наталья, кое-как натянув узенький короткий халатик хозяйки, так и сделала: прилегла на одну из кроватей, застеленную зеленым одеялом. Кроватей в закутке было три: эта часть комнатки, судя по всему, служила спальней, а передняя половина – гостиной.

От постели слегка пахло свежим, чистым бельем. За окном большое дерево шелестело листьями, солнечные пятнышки мельтешили на белой марле, натянутой на оконную раму от комаров, потом перескакивали на стену и тут же исчезали. Вдали, наверное в клубе, неразборчиво играл баян, но голос кукушки в близком лесу был слышнее. Изредка ветер взвивал ветки, и тогда доносился еще и шум вершин, но порыв пролетал – и все стихало, только слабо шуршали листья о марлю. «Как хорошо... как тихо...» – подумала еще Наталья, а потом, сама не заметив как, задремала.

Она спала не более десяти минут, но почувствовала, что отдохнула. За простыней было тихо: хозяйка, похоже, еще не вернулась. Вдали звучала музыка – видимо, концерт продолжался. Солнце теперь прыгало на потолке, и Наталья подумала, что ей давно не было так уютно на душе. Она с нежностью вспомнила плохо вымытую дочкину шейку, но не огорчилась этим, а решила, если вожатая позволит, спуститься с Лидочкой к речке искупаться. Всякий раз, когда Наталья какое-то время не видела дочь: была в командировке, или отправляла ее к своей матери, или, как сейчас, в пионерский лагерь, – она смотрела на ее лицо после разлуки как на родное и в то же время не очень знакомое. Привыкнув к Лидочкиным неожиданно темным глазам и широким бровям, она не переставала удивляться, до чего девочка походит на отца. И только нос, да щеки, да легкие пружинистые волосы были Натальины.

Да, а когда-то Наталье было приятно это сходство, ведь ее бывший муж очень красив. Недавно он снова звонил, спрашивал о Лидочке. И в лагерь наверняка выбирался – он заботливый и добрый. Деньги приходят без задержки... И все. Между ним и Натальей связь только телефонная. Чего ей надо было, чем он был не по ней? Все хорошо, хорошо – и притом такая скука жить!.. Удивительно, как можно любить, ощущать сильную привязанность – даже без любви! – как страдать, разрывая последние ниточки этой привязанности, страдать, даже не сомневаясь, что поступаешь правильно, – и как бесследно все уходит: и печаль, и сожаление, и подобие раскаяния...

Ветер с силой царапнул по марле ветвистой лапой. К дому приближались голоса. Наталья приподнялась. Вот и Люда несет утюг, а за нею вприпрыжку скачет Лидочка.

Наши дни

Покуда Алена общалась с Googl'ом, тема еще более разветвилась. Теперь наша героиня уже бегло проглядывала продолжавшие поступать выражения одобрения и всяческие триллеры о безобразном поведении владельцев дорогих машин на стоянках. Правда, она отметила, что настрой этой темы совершенно противоположен настрою той, из-за которой, собственно, сыр-бор и разгорелся. Похоже, мадамы на «Лексусах» крепко достали простого российского авто-владельца, иначе отчего бы в их адрес сыпались такие, например, филиппики:

Pioner

мне этот случай напоминает историю, здесь же описанную ранее..... Когда мадам на Лехусе с наглым выражением бьет Хюндай, а гашиникам на их фразу: «Девушка, ну почему же Вы не пропустили едущую по главной дороге?» она отвечает: «Вы, че, типа, офигели? Я на Лехусе еду, а он на Хюндае. Вот пусть он и должен уступать», – я выпадаю в алебастр! Возвращаемся в славные 90-е?

Slider

ну а че! сосать научилась, вот и насосала.

Pioner

Это ж скока километрах...в пересосать-то надо? Но это не главное. За руль села – головой надо соображать, а не циклические движения делать.

Аликарх

Переписочка весьма познавательна. В общем, мужику респект и уважуха. Если у человека диагностируется отсутствие мозга, то ему приходится вживлять дополнительный, и зачастую данная операция проводится ректально (через анальное отверстие, чтоб медом не казалась). Вот тетке и вживили немного. В таких ситуациях всегда вспоминаю прошлогодний случай на Октябрьской, когда тетка по-бл@дски запарковала свою «Камри» на трамвайных путях, и при появлении трамвая после длительного отсутствия, в ходе состоявшейся оживленной беседы, ей просто начистили физиономию (то ли кондукторша, то ли пассажирка – желающих там много было). После этого машина была моментально переставлена, а у водительницы навсегда (надеюсь) осталось понятие о том, что вокруг ее «Тойоты» еще и люди есть, и др. машины, и трамваи и вообще жизнь течет и движется. Надеюсь, и у героини топик-стартера, в ее крошечном мозгу, безвозвратно утонувшем в волнах упоительного ощущения своей невероятной крутости и, как следствие, – забывшем об окружающем мире, – что-то отложится. Единственно, конечно, уровень моралитэ был бы гораздо выше по силе эмоционального воздействия, если бы мужичок на глазах у этой, простите, курицы достал бейсбольную битку и отрихтовал авту по кругу – но тут уже налицо конфликт морали и УК РФ. А еще Остап Бендер завещал читать этот самый УК.

Элиза

Да лана вам! Бабец на лексе виновата не в том, что она на лексе и что она, как изволил тут выразиться один любитель считать чужие денежки, «насосала», а в том, что она кладет на правила проживания в социуме.

А вообще хватит вешать ярлыки!

В это мгновение звякнул телефон – пришла эсмэска. Увидев имя отправителя, Алена на несколько минут позабыла и свою битву за справедливость на Автофору, и вообще все на свете. Ведь отправитель обозначился как «Алекс Тр», а это был не кто иной, как Дракончег (ну, Дракончик, Дракон по восточному календарю, как и она), если кто не понял, милый друг нашей ветреной писательницы, который не появлялся в ареале ее обитания целый месяц. С этими двумя свободно– и секслюбивыми натурами такое бывало частенько. То не виделись не слышались довольно долго: каждый «по чужим, по чужим, по садам летал, сладку ягоду все клевал», как поется в песне. Потом неодолимая сила притяжения бросала их друг к другу... с точки зрения физики звучит сие, может быть, неадекватно законам Ньютона и разным прочим, но с точки зрения физиологии – ого, еще как адекватно законам человеческих тел! Взаимное соответствие и влечение их было невероятным. Оба очень высокие, светлоглазые, русоволосые, внешне холодновато-высокомерные, а по сути – неистовые, они подходили друг другу, как детали хитроумной, на «раз» сложившейся головоломки. В жизни своей, весьма богатой на любовные приключения, Алена не испытывала ничего подобного тому, что чувствовала с Дракончегом, – ни с кем не испытывала, даже с самым мучительно-любимым и старательно забытым (на самом деле – НЕ забытым) теперь мужчиной! – а несдержанность почти звериных стонов ее молодого любовника откровенно выдавала его полное самозабвение в ее объятиях. Иногда Алена ловила почти страх в его глазах... Наверное, такой же страх мелькал и в ее взгляде. Это правда, они иногда даже побаивались своего тяготения друг к другу. Их разводило все: возраст, образ жизни и совершенно различные на нее взгляды, семья Дракончег, Аленина страсть к одиночеству, – а сводило только идеальное физическое соответствие, которое было прямо-таки смертельным.

– Не хочется уходить... Хочется остаться навсегда, – сказал как-то Дракончег с такой тоской, что у Алены слезы на глаза навернулись.

– Если бы мы были вместе, мы бы просто убили друг друга, – сказала она, с трудом справившись с собой, и Дракончег, который сначала обиженно напрягся, подумав, кивнул. Почему-то очень часто в моменты невыносимого наслаждения Алена видела двух огнедышащих, свившихся в клубок между небом и землей драконов, которые сгорают в пламени друг друга. Поэтому она знала, о чем говорит. И Дракончег, видимо, это понимал.

Они делали все, чтобы заретушировать и смикшировать свою почти мистическую страсть друг к другу. Ссорились и мирились, обменивались неприличными эсмэсками, как и положено любовникам, задоря друг друга, жалели, когда их желания натывались на невозможность встреч, иногда смайликами просто напоминали друг другу о себе... Сейчас, судя по тону Дракончеговой эсмэски, чувства очень сильно переливались через край. Ну что ж, Алена ничего против этого не имела! И на его вопрос, будет ли она вечером дома, она ответила коротким словом: «ДА!!!» Именно так, с тремя восклицательными знаками.

«Смогу в 22, ты как?» – спустя некоторое время написал Дракончег.

Алена усмехнулась. Вечерами он уезжал на автомойку, или в какой-нибудь круглосуточный сервис, или просто погонять по городу, истомившись сидением в квартире родителей жены... Накопить на собственную все же удалось, но там шел какой-то эпический ремонт, грозивший растянуться не на месяцы, а на годы.

Алену мало волновало, что думает по поводу этих отлучек жена Дракончег. Ни на минутку не желая ей вреда, Алена твердо усвоила одну прописную истину: мужчина уходит, на время или навсегда, не к другой женщине – он уходит от женщины. И еще хорошо, что у Дракончег есть она, Алена: мудрая и пылкая поборница одиночества, вовсе не желающая его уводить. Так лучше для всех и почти не больно. Да и вообще, то, о чем не знаешь, никак не помешает. Поэтому его жена совершенно права, когда ничего не хочет знать.

«Жду», – написала она коротко.

«Мне побриться?» – последовала эсэмэска Дракончег. Ну да, иногда он приезжал такой щетинистый... Алена томно поежилась и написала:

«Не-е-ет...»

«Ты тоже не вздумай!» – грозно приказал Дракончег.

Ну да, интимный дизайн его не возбуждал, а раздражал. У этой парочки были свои причуды... В свою очередь, Алена не выносила бритых мужских подмышек (в этом было для нее что-то даже не гомосексуальное, а просто – *НЕ* сексуальное).

Ну, словом, встреча была назначена, детали оговорены, и Алена очень кстати вспомнила, что надо бы все же немножко поработать. Форумские баталии ее теперь почти перестали интересовать, однако она все же глянула мельком в тему «Страшная месть-2» – и невольно задержала взгляд на парочке новых сообщений.

Веселый Роджер

зря ушла, могла бы неплохо подзаработать свидетелем)))

i lublu Subaru

Свидетель с двух сторон, кто больше даст) Даже если номера не видела, лица и одежду запомнила. Еще какая свидетельница)

Алена сочла своим долгом ответить:

Бэкингом

Не мой жанр)))

Мгновенно диалог пошел на новый виток:

Волгарь

Мужик прав по-человечески...

Слесарь Афоня

А по УК у него геммороя больше чем у бабы:-)))

Волгарь

Ну да. Тока вот пойди-найди-докажи)))

Бэкингом, я так понял, не расколется)))

Бэкингом

Низачто!)))

Слесарь Афоня

Ну мужику все равно зачет....

Внеформата

Хоть и посмертно;-)))

Внеформата – да ведь именно юзер под этим ником, вспомнила Алена, запостил тему «Страшная месть». Неужели он сообразил, что речь идет об одном и том же случае? Ну, сердитый какой! Еще бы. Его «Страшная месть» совершенно заглохла, а также выражения сочувствия его «аристократке», пострадавшей от «быдла».

Алене стало смешно, и на форуме появилось новое сообщение:

Бэкингом

Да может, выживет))))

И она не поверила глазам, увидев, как немедленно появился ответ:

Внеформата

Гарантирую, что нет. А ты придержи язык, балерина)))

Сначала Алена ничего не поняла. При чем тут балерина? Этот Внеформата что, думает, Бэкингом – это фамилия какой-то танцовщицы Оперного театра?! И вдруг сердце сбилось с ритма. А что, если... если Внеформата каким-то образом увязал оба эти ника – Бэкингом и Molinete? И понял, кто Алена на самом деле? Теоретически такое возможно, если установить IP компьютера, с которого юзер выходит на форум. IP – это как бы паспорт пользователя, по нему компьютер опознается в Сети. Можно менять адрес электронной почты, называться какими угодно именами, можно даже установить связь с Интернетом не через модем, а через другой телефон, мобильный, скажем, но если при этом задействован один и тот же компьютер, он все равно обозначится одним-единственным IP-адресом. Уникальным.

А может быть, все проще. Уже давно Алена перестала хитрить и, не побоимся этого слова, предохраняться так, как в былые времена, когда она вычислила с помощью форумских ников тройку ухарей, так напугавших ее в скором поезде по пути в Москву. Эту историю Алена вспоминала с удовольствием – ведь она дала ей Дракончегу!²

И с тех пор она не видела опасности в том, что зарегистрировала новый свой танцевальный ник с того же самого компьютера и телефона, с какого регистрировала Бэкингема. А что такого? Но обнаружить, что кому-то это стало известно, вернее, что кто-то это специально выяснял... причем человек явно недоброжелательный... и выяснил так быстро... у него что, есть свои люди среди форумских модераторов?

Алена пожалала плечами. Чепуха. Все это чепуха, не стоит так близко к сердцу принимать. И вообще, давно за роман надо было сесть, а не на форуме флудить!

Она вышла из своей темы – и вдруг обнаружила, что название «Страшная месть», давно и прочно затерявшееся где-то в списке тем, не пользующихся вниманием, вновь взлетело в начало перечня!

Ну разумеется... ну разумеется, Алена открыла «Страшную месть»...

А впрочем, даже если бы она не открыла эту тему, уже ничего нельзя было изменить ни в ее жизни, ни в жизни других людей. Поезд ушел, снежный ком катился с горы, оба они набирали скорость...

Лидок

А вообще надо быть поосторожней... один наш давний знакомый, друг моей мамы, примерно полгода тому назад вот так неосторожно припарковался на стоянке на своем обычном месте, около какой-то крутой тачки. Открыл дверцу и не заметил, что шархнул ту тачку в бок. Оттуда выглянул какой-то мужчина, достал пистолет и выстрелил. Экспертиза показала, что у него был «оса» с каучуковыми пулями... Но он попал в глаз нашему знакомому. Тот умер на месте. А тот человек немедленно уехал, собственно, никто ничего не видел толком, это уже потом реконструировали события, поскольку на дверце автомобиля нашего знакомого была краска. Никто не заметил номера. Вроде бы говорили только, что это

² Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Академия оболыщения», издательство «Эксмо».

был «Лексус» какой-то темный. Оказалось, что он черный, это по кусочкам краски определили. Но все равно никого не нашли.

Так что... не только, знаете ли, быдло мстительно.

Внеформата

Неудачный пример. В газетах писали, что это убийство может быть связано с профессиональной деятельностью убитого. Он же следователем прокуратуры был, кажется?

Лидок

Откуда вы знаете?

Внеформата

Я ж говорю – в газетах писали))) Я умею читать. Так что – неудачный пример(((

Алена кликнула мышкой на этот странный ник. Открылся так называемый приват, или портрет пользователя, – источник сведений о форумчанине. Разумеется, портрет являлся источником только в том случае, если юзер желал предоставить о себе какую-либо информацию. Многие размещали там свои фотографии, указывали дату рождения, место работы, перечисляли свои увлечения... Например, в портрете *Molinete* помещались несколько фото с милонг, где была снята Алена во время тангования, причем в очень удачных позах. Ну да, разве неудачные фото нормальная женщина выставит на всеобщее обозрение?! Была там также весьма выигрышная фотка, сделанная во время недавней встречи с читателями и поклонниками, – Алена с охапкой невероятных букетов на фоне стенда со своими книгами. Ну да, ей есть чем гордиться, что показывать в своем портрете!

Портрет же *Внеформата* был девственно пуст. Пугающе пуст...

А впрочем, что там особо пугающего? Ну, не хочет человек себя напоказ выставлять, что ж, бывает...

1985 год

Диме Анненскому через полгода исполнялось семнадцать, а выглядел он от силы четырнадцатилетним, совсем мальчиком. Разговор начала, по уговору, Лариса – обычный разговор инспектора комиссии по делам несовершеннолетних с подростком, стоящим на учете.

Дима отвечал на ее неторопливые, спокойные вопросы быстро, нервно, изо всех сил стараясь не коситься на Наталью, сидевшую за другим столом и делавшую вид, что ее не очень интересует эта беседа и она занята совсем другим делом. Она хотела, чтобы Дима расслабился, освоился, но тот безошибочно чувал исходившую от нее опасность, был насторожен и не скрывал своей неприязни.

Одет Дима был небрежно. Наталья знала, что они с матерью живут очень скромно. Простую кражу парень совершил не только из-за сигарет: рассчитывал, что в киоске осталась несданная выручка, хотел купить себе новые брюки, он стыдился носить чиненные. Лариса рассказывала об этом с долей сочувствия, а Наталья подумала, что попытаться заработать Диме и в голову не пришло. Он предпочел кражу.

– Отец не приходит? – тем временем осторожно спрашивала Лариса.

Дима мотнул головой.

– Деньги дает матери?

Дима дернул плечом: какие, мол, это деньги!

– А ты хотел бы его увидеть?

Дима слегка искривил краешек рта.

Отец его служил несколько лет назад в милиции, в отделении вневедомственной охраны, был второй раз женат, воспитывал дочь жены от первого брака и свою дочь – сводную младшую сестру Димы. Судьбой парня не интересовался. Едва узнав, что сын арестован, бросился к следователю, который вел это дело. Думали, озабочился судьбой мальчика, но оказалось: если несовершеннолетний взят под стражу, родители имеют право не платить алименты на его содержание... По рапорту возмущенного следователя отец Димы Анненского был отстранен от службы.

– Дима, – сказала Наталья, надеясь незаметно подвести разговор к главному, но, повинувшись вызову его затравленного взгляда, спросила прямо: – Ты знаешь, что в вашем доме совершена кража?

– Ну? – ответил Дима полувопросительно, крепко берясь за края стула.

– Имей в виду, мы о тебе плохо думать не хотим. Но Масляков утверждает, что совершить кражу мог только ты. Как ты считаешь, почему он так уверен в этом? – продолжала Наталья, решив ничего не скрывать.

Дима помолчал, глядя на нее растерянно, но вот взгляд стал отсутствующим, как будто парень задумался о чем-то куда более важном, чем подозрение в краже. Потом он опустил ресницы и сказал с хмурой, вызывающей насмешливостью:

– А что толку отпираться? Все равно не поверите. Ну, грабаныли мы вашего паршивого Маслякова. Я и... в общем, два парня и я. Славка Шибейко и Витька Косихин их зовут.

В протоколе допроса Димы Анненского было записано следующее:

«Я не хотел совершать преступление, но как-то, несколько дней назад, я проходил мимо дома № 18 по нашей улице Пригородной, и из дома вышли Витя Косихин и Слава Шибейко. Косихин живет в этом доме, в десятой квартире, а Шибейко где-то за оврагом, не знаю точно. Косихин предложил мне пойти с ними обокрасть квартиру, сказав, что есть ключи, назвал номер дома, где я живу, 16а, но в какую квартиру идти, не говорил. Ключи я раньше видел у Косихина, большую связку, штук 15. Все разные. На следующий день Косихин и Шибейко на

практику не пошли. Учатся они в школе № 89, Шибейко перешел в седьмой, а Косихин в восьмой класс. Мы встретились около трансформаторной будки напротив нашего дома. Мы вошли в подъезд, поднялись вместе на третий этаж. Мне Витка Косихин велел стоять на васаре, а сам со Славкой поднялся на этаж выше. Я слышал, как гремели ключи, ребята долго возились, но не знаю, около какой двери. Они вышли быстро. У Косихина в руках были черные вельветовые брюки с фирменной наклейкой, а у Шубейко – магнитофон. Фломастеров я не видел. Какой марки магнитофон, не обратил внимания. Мне ничего не дали, да я б и не взял...»

...Вечером наконец-то позвонил Никита.

– Наташка! – произнес он очень серьезным голосом. – Привет.

– Никитка! – таким же тоном ответила Наталья. – Привет.

Было время, когда эта интонация ее обманывала и она ждала: ну вот сейчас ему надоест болтать и ерничать, и он наконец скажет ей... Теперь уж больше не ждала.

– Это не ты подняла трезвон позавчера ночью? – спросил Никита глуховато, и Наталья представила, как он, зажав трубку плечом, пытается подтянуть к себе кресло, чтобы усесться поудобнее.

– Когда? Позавчера? Среди ночи? Да бог с тобой! С какой бы это радости? – пожала плечами Наталья, и голос ее прозвучал вполне убедительно: вот удивилась, вот подняла брови, вот пожала плечами...

– Ты извини, слушай, я только сейчас вспомнил, что мы как раз позавчера договорились созвониться, – с некоторой виноватостью сказал Никита.

– Ну, у тебя совершенно замечательная память! Я даже и не помню, чтобы мы сговаривались.

– Значит, не ты звонила? – печально повторил Никита. – А я-то подумал... Даже на душе легче стало.

Год назад в ответ на такие слова Наталья разразилась бы потоком слез и нежностей, но сейчас – не год назад, к тому же она отлично помнила отнюдь не угнетенный, а просто сонный голос Никиты, а поэтому опять легко соврала:

– Нет, мне и в голову не пришло. Извини, что разочаровала. – И, словно доиграв обязательное вступление, спросила наконец о том, что волновало: – У тебя что-то произошло?

– Мы нашли ту женщину... помнишь, я тебе говорил? Катерина Долинина, на станции Садовая.

– Санитарка из областной? Конечно, помню. В мае, кажется, было заявление об исчезновении?

– Да, в мае. Так вот, нашли ее.

– Ее? Или...

– Или. Это что-то ужасное. Почти два месяца прошло, да и погода... Убили, судя по всему, ударами по голове, а потом закрыли труп кочками. Кочки, знаешь, аккуратно так срезают метров за сто оттуда, носили, закладывали... Место там вроде обжитое: дачные участки недалеко, а этот ложок нехоженный. Или заманили туда, или затащили уже мертвой. Теперь чесать частым гребнем по станции.

– Что-нибудь уже есть?

– Да есть кое-что... Может, я ошибаюсь, но похоже, что там мелкие, как твоя Лариса говорит, орудовали. Так что, Наташка, не исключено, будем вместе работать.

– Ничего, переживем и это.

– А ты молодец! – с язвительным одобрением сказал Никита. – Прогрессируешь. Голос абсолютно чужой. Даже мурашки бегут.

– У тебя?! – на этот раз Наталья воскликнула с искренним изумлением. – Мурашки?!

– Ну ладно, – с хрупким спокойствием произнес он. – Прекратим этот детский лепет. Как работа?

– Ну, на работе у меня именно детский лепет! Новое дело, причем абсолютно без проблем. Кража. Потерпевший с ходу назвал предполагаемого преступника: шестнадцать лет, недавно из колонии. Тот мигом во всем сознается, называет двоих соучастников, иди и бери их...

– Ну и чем ты недовольна? – В голосе Никиты холодок, его не смягчить показным интересом. Наталья чувствовала, что сейчас волнует его только убийство в том станционном поселке и, как ни странно, ее равнодушие. Именно равнодушие! Прозвучи в голосе Натальи хоть нотка тоски, задрожит он от накопившихся слез – и Никита мгновенно изменится, прибавится у него уверенности в себе, опять сможет неделями не звонить, не встречаться.

– Чем недовольна? Ну, например, тем, что Дима Анненский... этот герой моего романа, ты понял?

– Я понял, – ответил Никита. – Так что Дима Анненский?

– Парень был в колонии, уму-разуму его там хоть немного, но обучили. Верно? И он идет на кражу в свой же дом! В другой, правда, подъезд, но все же. Неосторожно.

– А может быть, ты переоцениваешь его интеллект? Уж этим-то юноша не блещет, так?

– Не блещет. Но...

– Но и на старуху бывает проруха. А какие у нашего Димы отношения с пострадавшим?

– Плохие отношения. Хуже некуда. У того четкая уверенность: раз человек оступися – охромел на всю жизнь.

– Ну а Дима твой мог решиться насолить этому типу?

Наталья вспомнила затравленный взгляд юноши, его острые локти, сжатые в кулаки пальцы...

– Не знаю. Он напуганный какой-то.

– Понятно, с комплексами. От таких только и жди. Ну, с этим пунктом покончили? Дальше?

– Дальше. Соучастники – младше Димы один на два, другой на три года. Причем по его рассказу получается, что они ему просто так сказали: «Пойдем ограбим квартиру» – и он пошел. Кстати, вопреки твоей отмстительной теории, не знал, в какую квартиру пойдут.

– Он такой слабовольный, что ли?

– Да сама не пойму, – повторила Наталья. – Разговаривали пока только один раз, а он такой, говорю тебе, замкнутый... как замок!

– Очень оригинально, – восхитился Никита. – Браво! Сама придумала?.. Ты с его родителями-то встречалась?

– Хотела сегодня вечером, но мать на дежурстве, она на две ставки работает, придется, видимо, прямо в больницу к ней идти. Она санитарка в областной.

– Да? Скажи-ка мне ее имя. Катерина-то моя Долинина тоже из областной. Вот видишь, Наташка, наше сотрудничество уже началось. А теперь расскажи, как там моя подруга Лидочка в своем шестом отряде?

Наши дни

- Не хочется уходить...
 - Но надо.
 - Все-то ты знаешь!
 - Не все.
 - Да и ладно. Зачем тебе все? Меньше знаешь – крепче спишь.
 - Иначе говоря, во многом знании многая печаль.
 - Как красиво... Я слышал это выражение, но чаще говорят – во многом знании много печали. Совсем другое дело.
 - Да, совсем другой вкус слова.
 - Черт! Вкус слова! Ну почему только ты так говоришь?!
 - Да как – так?
 - Ну так... я даже просто от этих слов завожусь, хотя и сил больше нет, и времени.
 - Это потому, что ты – мыслящее существо. Только мыслящее существо может заводиться оттого, что женщина говорит – во многом знании многая печаль, а не – много печали. Нормальный мужик завелся бы оттого, что его рука лежит у нее на самом неприличном месте, и оно все мокрое от его... пота, скажем так.
 - Издеваешься, да? Никакой нормальный мужик не завелся бы вообще ни от чего после того, что ты с ним только что проделала. А если бы завелся, то не раньше чем через час крепкого, здорового сна. Но надо идти.
 - Твое полотенце желтое. Желтое! Ты способен отличить желтое от оранжевого?
 - А что, в прошлый раз я опять что-то от чего-то не отличил?
 - Ну да. Синее от зеленого.
 - Тебе нужно вешать в ванной полотенца контрастных цветов. Если твое – синее, то мое должно быть желтое. Если твое – оранжевое, то мое – зеленое. А так... синее-зеленое, желтое-оранжевое... очень просто перепутать. У меня вообще в глазах темно, я ничего не вижу, а ты мне тесты какие-то цветовые устраиваешь.
 - Это у тебя не в глазах темно. Это в комнате темно. Вот сейчас включу свет, и...
 - Нет, не нужно, из коридора достаточно света, не включай. Слушай, а если я снова перепутаю полотенца, ты что, рассердишься?
 - Да нет, но... почему ты их перепутаешь-то?
 - Ну ты понимаешь... мне приятно твоим полотенцем вытираться. Как будто ты меня еще обнимаешь... Нет, погоди, не трогай меня, не целуй, я больше ничего не могу... Или могу?..
- Дракончег ушел поздно. Или рано – это уж как посмотреть. Летом в эту пору уже начало бы светать. Хорошо, что зима. Кажется, что ночь будет длиться еще долго-долго и на самом деле не так уж и рано. В смысле, поздно.

Алена немножко постояла у двери, глядя, как он спускается, подняв к ней лицо и сонно, блаженно улыбаясь, а потом, когда он скрылся внизу, тихонько заперла дверь. И сразу ринулась в спальню – посмотреть, как Дракончег будет уезжать. Она обычно ждала его у окна – любила смотреть, как медленно, бесшумно, таинственно черная «Хонда» прокрадывается во двор. Сразу начинало ощутимо потряхивать, аж мурашки по коже бежали, и ощущение счастья, обычного, такого примитивного и такого возвышенного плотского счастья, начинало играть в теле, как пузырьки в шампанском. По аналогии, она должна была ощущать глубокую печаль, глядя, как он уходит, однако ничего такого не ощущала: слишком устала и ужасно, просто неодолимо хотела спать. Ее аж пошатывало, когда она, спотыкаясь о раскиданные подушки и сползшее с постели одеяло, скользя на покрывале и своих валявшихся там и сям одежках (медленно раздеваться и аккуратно разбирать постель отчего-то никогда не получалось, с порога

начиналась яростная любовная битва, отчего после ухода Дракончег Аленина спальня сильно напоминала поле боя), пыталась пробраться к окну. Пришлось включить бра у изголовья кровати. То, что происходит на улице, хуже видно не стало, а если Дракончег разглядит ее силуэт в окне, может, ему будет приятно: вот, мол, любимая женщина (ну ладно, просто любовница, но это те самые несущественные детали, которыми, строго говоря, можно и пренебречь) смотрит ему вслед, не в силах с ним расстаться... Ох уж эти прелестные мелочи, все эти тонкости, оттенки чувств и отношений, какое же в них очарование скрыто, сколько утонченной радости они доставляют, как много значат для сердца влюбленного – и какой пустотой никчемушной кажутся для остывшей души...

Она видела, как Дракончег подошел к своей «Хонде», взглянул на Аленино окно, махнул рукой – ага, увидел! Выключил сигнализацию – и Алена увидела, как в это мгновение что-то мелькнуло за ветровым стеклом машины, стоявшей чуть поодаль, почти на выезде из двора. На миг мелькнула бредовая мысль, что Дракончегов пульт нечаянно – ну мало ли какие причуды случаются у сложносочиненной техники! – включил сигнализацию соседнего автомобиля, и сейчас раздастся заполошное завыванье, которое перебудит всех соседей. Ну, из-за полной технической безграмотности нашей героини ей порой лезло в голову что-то такое... несусветное и нереальное.

Разумеется, ничего подобного не произошло. Во дворе по-прежнему было тихо. Огонечек снова мигнул, и еще раз. Ну и пусть себе мигает, если это никому не мешает. Алена и забыла о нем, умиленно наблюдая, как Дракончег, еще раз махнув ее светящемуся окошку, тихонько выехал из двора. Прощально мелькнули красные огоньки задних фар «Хонды», ответил огонек за ветровым стеклом неизвестной машины.

Повинуясь странной аналогии, Алена вернулась из спальни в гостиную, подошла к тумбочке, на которой стояла в цветочном горшке маленькая, нежно пахнущая хвоей пихта, купленная к Новому году, и включила гирлянду, которая составляла главное и чуть ли не единственное украшение этой новогодней, с позволения сказать, елки.

Бог ты мой, а ведь сегодня старый Новый год! Алена совершенно про это забыла. Не вспомнил и Дракончег, может быть, поэтому они пили мартини, а не шампанское. С другой стороны, шампанское никто из них не любил.

– Как встретишь год, так и проведешь, – разнеженно улыбнулась Алена. – Неплохо бы, конечно!

Она взялась за бокалы, чтобы отнести их на кухню, но тут зазвонил телефон. Городской.

Да кто бы это в такую пору?! Ошибка, наверное. Но трубку придется снять: даже приглушенный звонок ее аппарата кажется в глухой ночной тишине оглушительным.

– Алло.

– Доброе утро, писательница.

Хм, кто бы это мог быть? Судя по веселенькому обращению, человек из числа ее знакомых, но голос что-то не узнается.

– Доброе утро или доброй ночи, не знаю даже, чего пожелать.

– Намекаешь, что разбудил? Да ну, ерунда. Я же знаю, что ты не спишь.

Совершенно незнакомый голос, однако. Вдобавок говорит человек очень тихо, чуть ли не шепотом.

– Э-э... Извините, а это кто, я что-то не узнаю...

– Кто я, совершенно неважно. Важно другое – почему я знаю, что ты не спишь.

– Ну и почему, интересно? – спросила Алена, начиная раздражаться.

– Потому что я смотрю на твои окна и вижу, как ты там снуешь туда-сюда.

Какого черта?!

Алена шагнула к выключателю. Свет погас.

Быстро вернулась к окну.

Что, какой-то весельчак из дома напротив узнал ее телефон и решил поразвлечься?

– Ну, теперь уже неважно, горит свет или нет, – хмыкнул голос в трубке. – Главное я все же увидел. А главное состоит в том, что от тебя ночью уехал молодой любовничек на «Хонде», номер которой я заснял на фото.

Какого черта?!

– Де-е-е-елать нечего-о? – как можно более протяжно зевнула Алена в трубку. – Спокойной ночи.

– Погоди, погоди! – усмехнулся голос. – Ты правильно делаешь, что не начинаешь бормотать: у меня, мол, никого не было, я не я и бородавка не моя. Я узнал твой адрес и приехал просто так, из любопытства, посмотреть, где такие наблюдательные писательницы проживают. А в такую пору появился просто потому, что люблю ездить по ночам. Меньше глазок любопытных сверкает. И просто обратил внимание, как таинственно выбрался из подъезда, в котором находится твоя квартира, томно потягивающийся и зевающий молчел. Ну рассуди логически – ты же, по определению, должна уметь логически мыслить, как детективщица! – откуда среди ночи может топтать зевающий и томно потягивающийся молчел? Пожалуй, что от любовницы. А ведь она непременно должна посмотреть ему вслед – женщины до одури сентиментальны, не раз и не два в этом убеждался на собственном опыте. И правда! Вспыхнул свет в окошке, возник в том окошке женский силуэт... Но самое любопытное, что возник он именно в окошке вычисленной мной квартиры писательницы Алены Дмитриевой. А дама наша не замужем. Значит, к ней по ночам любовники наезжают. Ну что ж, дело само по себе хорошее, но ведь парень-то откровенно ее моложе – раз, а во-вторых, холостой-одинокый вряд ли вылезет зимней морозной ночью из постели дамы сердца... если только не надо возвращаться домой, к жене. Значит, молчел женат. Значит, имеют место быть прелюбодеяние, адюльтер и все прочие прелести неприличной жизни. И тогда я достал свой айфончик – а камера в нем отличная! – и запечатлел отъезд «Хонды» с сакраментальным номером.

Так вот что значили эти вспышки за стеклом неизвестного автомобиля!

– Ну и зачем вам это нужно, позвольте полюбопытствовать? – наконец прорвалась Алена сквозь это непрерывное токованье – в самом деле, незнакомец напоминал ей тетерева на токовище в этом откровенном любовании собой и страсти упиваться каждым словом.

– Ну, доставьте мне удовольствие, напрягите же свою знаменитую логику, не все же вам моей восхищаться! – хмыкнул незнакомец.

– Восхищаться! – сквозь зубы повторила Алена с понятным даже идиоту выражением.

Собеседник так и закатился:

– Ага, ага!

– Извините, – сказала Алена, – я слишком хочу спать, чтобы напрягать свою логику. Поэтому удовольствия я вам не доставлю, вы уж простите...

– Конечно, конечно! – торопливо заговорил он. – Не хотите – я сам расскажу, зачем это мне нужно. По номеру автомобиля я выясню фамилию и адрес владельца. У меня есть знакомые в ГИБДД, это мне за просто. Ну вот... а потом я вручу его жене некое послание, к которому будут приложены эти фотки. Суть послания будет заключаться в том, что ее муж по ночам ездит по такому-то адресу к своей любовнице, довольно известной писательнице.

– Что за придурок! – высокомерно воскликнула Алена и бросила трубку.

С ненавистью поглядела в окно. Вот вызвать сейчас милицию, сказать, что под ее окном стоит автомобиль, оттуда звонят и говорят всякие гадости. Но пока милиция приедет – если вообще приедет! – этот тип смоемся, вот и все.

Словно в ответ, автомобиль медленно пополз со двора и скрылся из виду.

– Чтоб ты провалился, – сквозь зубы пожелала Алена.

Настроение было испорчено. Да и понятно, почему! Получив такое послание, жена Дракончег не непременно покажет его супругу. Разумеется, он будет все отрицать – да мало ли в

какой двор он мог заезжать и зачем?! Если эта женщина разумна, она не даст волю своей ревности. Если даст – легко выяснить, что вышеназванная писательница и в самом деле живет по такому-то адресу. Это уже довод в пользу правдивости доноса. Ревность сжигает душу, ее пожар остановить просто невозможно. Что, если жена Дракончег наймет частного детектива, чтобы тот опроверг или подтвердил донос? Он может пройти по соседям... Дракончег не всегда приезжал ночью, днем-то его автомобиль определенно кто-то видел, запомнил...

Алена ни единого мгновения не боялась за свою репутацию. Невозможно бояться за то, чего нет. Но Дракончег! Если ситуация развернется так, как подсказывает пресловутая логика, он запросто может прекратить встречаться с Аленой. На время или навсегда. В конце концов, всякая страсть преодолима, даже та, что кажется неодолимой. Уж Алене ли этого не знать...

Конечно, это не смертельно. Уж если она смогла выкинуть из сердца Игоря, который был единственным, то Дракончег, по большому счету, лишь один из многих.

Разумная и трезвая мысль не принесла утешения. Ей будет плохо без него. Ему будет плохо без нее. И только потому, что какой-то поганый любитель совать нос в чужие дела...

Что делать? Принять это всерьез? Предупредить Дракончег? А может быть, это не шантаж, а просто дешевенький розыгрыш? Ну мало ли что там могло мигать, за стеклом? Но кому бы этак мерзко разыгрывать Алену? Мало ли... На самом деле мало, но... вдруг просто кто-то из соседей решил, не побоимся этого жуткого слова, приколоться? Она же в марках машин не разбирается, не отличит одну от другой, совершенно не представляет, какое авто кому принадлежит, она даже не знает большинство своих соседей по именам и фамилиям! Живет как в лесу, вернее, как в пустыне, окружающие интересуют ее настолько мало, что это даже кажется неправдоподобным!

Нет, Дракончегу звонить не стоит, это факт.

Телефон снова затрезвонил. Рука непроизвольно потянулась к трубке.

Нет. Не надо. Если все же какой-то деловой звонок – фантастика, конечно, деловой звонок в четвертом часу утра, но напряжем воображение! – этот человек может оставить сообщение на автоответчике.

Автоответчик включился. Гудки, трубка положена, тишина.

Так, понятно, это был он.

Ну, может, допетрит, что Алена не желает обращать внимания на его гнусные игры, и отвяжется?

Снова звонок.

Не допетрил, значит.

Не нужно поднимать трубку. Не нужно. Но ведь... но ведь это касается не только ее. Если ей шантаж ни жизнь, ни репутацию не испортит, то Дракончегу может – и очень сильно.

– Аллю...

– Ага, – с чувством глубокого удовлетворения произнес ненавистный тихий голос, – вижу, ты пораскинула мозгами и поняла, что если тебе навредить сложно, то хахалю твоему – легко. А ведь ты можешь и себя и его избавить от неприятностей легко и непринужденно. Нет, нет, я не вульгарный шантажист, деньги мне не нужны, мне нужна информация.

– Какая еще информация? – ошеломленно пробормотала Алена. – Вы меня ни с кем не перепутали?!

– Нет, если ты – Бэкингом и Молинете.

Она онемела.

– Молчание – знак согласия, – хихикнуло в трубке. – Так вот, мне нужна информация о том мудаке, который вчера около «Этажей» гвоздем испакостил новый лехус. Поняла? Только не пыли, будто номер и марку его авто не запомнила. Цвет помнишь, внешний вид помнишь, а главное, ты же наверняка запомнила рожу этого гада и можешь нарисовать мне его словесный портрет.

– Да я его практически не видела, я ничего не помню! – воскликнула Алена, охрипнув от ужаса.

– Даю тебе два дня, чтобы осознать последствия и вспомнить, – проговорил незнакомец холодно. – Потом – пеняй на себя. Жизнь твоему парню я испорчу, это точно. И кстати... думаешь, я не смогу не только морально, но и физически освежить твою память?

– То есть как? – тупо пробормотала Алена.

– Дура? – спросил он с явным недоумением. – Не понимаешь? Конечно, тебе нравятся молодые любовники, но если несколько членов начнут драть тебя во все дырки в течение нескольких часов, вряд ли ты будешь кончать... раньше скончаешься. Но еще раньше скажешь мне все. Только... толку для тебя лично от этого уже не будет. Так что давай, колись, тетка.

И незнакомец бросил трубку.

Хотя... почему такой уж незнакомец? Кое-что о нем Алена все же знала. Ник его форумский – Внеформата.

И больше ни-че-го...

1985 год

Вечером в квартире Косихиных раздался звонок в дверь. Витя быстро сунул на место бутылку из-под японского виски, в которую уже давно был налит всего лишь крепкий чай, запер полированный бар, где отец держал красивые бутылки из-под разных напитков, и даже руки спрятал за спину.

– Что, уже родители? – тихо спросил Славик Шибейко.

– Нет, у них кино как раз к программе «Время» закончится. Ирка, наверное.

Он пошел в прихожую, но Слава остановил его:

– Нет, слушай, давай я спрячусь, а? Ирка придет, а я как завою!

– Эх ты, детсадовец! «Завою»! Ирка тебе завоюет так, что не сядешь потом. Ну ладно уж, прячься.

Славка распахнул дверцы платяного шкафа и юркнул туда. В лицо ему ударил крепкий, горьковатый аромат духов, он сморщился и почесал переносицу. Под ногой мягко сдавилась коробка, он испуганно переступил и присел на корточки. Что-то жестковатое, вроде туго накрахмаленных кружев, скребануло его по лицу. Славка поморщился, а потом улыбнулся, потому что подумал: наверное, это то самое Иркино голубое платье, которое ему так нравится. Сколько раз зимой и весной, приходя к Витьке, он видел его сестру склонившейся над ворохом причудливо переплетенных голубых ниток, и тоненький металлический крючок, словно блестящая птица, метался в ее пальцах. И хоть Славка, как и его дружок, всячески выражал презрение к этим девчачьим забавам, украдкой он посматривал на Ирку с интересом. А 28 июня, когда у десятиклассников был выпускной, Ирка появилась вечером на крыльце, похожая на голубое туманное облачко, на голубой колокольчик, на... Славка не знал, с чем бы еще ее сравнить, но знал, что с Иркой не сравнится ни одна девчонка ни в школе, ни в поселке, ни вообще... Жаль только, что она уже такая большая и смотрит на него и впрямь как на детсадовца. А он, дурак, еще и в шкаф полез! Нет, Ирку так не удивишь – она только посмотрит на него из-под своих длиннющих ресниц и вздохнет: мол, *чего* от этого младенца ждать? Да и по головке еще снисходительно погладить может, будто деточку маленькую. А ведь, кажется, он и вообще зря сидит в шкафу! Это же вовсе не Ирка пришла.

Славка осторожно приоткрыл дверцу – и ничего не увидел. Однако в зеркале мелькнул силуэт. Слава чуть развернул зеркало – и разглядел Витьку, прижавшегося к подоконнику, а рядом с ним – Диму Анненского, который раньше учился в их школе, а потом попал за воровство в колонию. Теперь Анненский учился в профтехучилище. На нем словно бы лежал отпечаток некой тайны, одновременно отвратительной и манящей. Дима что-то быстро, очень тихо говорил, говорил...

– Зачем тебе это? – вдруг сдавленно крикнул Витька, и Слава с удивлением увидел, какое красное, испуганное лицо сделалось у его друга. – Зачем? Мне в колонию неохота, и Славке тоже. Тебе понравилось – ну и иди туда снова, а нам неохота!

– Скажешь! – тонким злым голосом приказал Дима.

– Пошел ты!.. – Витька отстранился от подоконника, но Анненский рванул его за плечо.

Витька оступился и сел на пол. Дима приподнял его и, сильно встряхнув, замахнулся... Витька закрылся рукой, и Слава в своем укрытии невольно заслонил лицо.

– Скажешь! И Славка твой скажет. Вам ничего не будет. Ну, поразбирают в школе, ну, вышплют родители – и все. А не скажешь...

Славке было хорошо видно лицо Анненского. Оно не могло выразить угрозы, как тот ни хмурился. И голос был ломким, не страшным, хоть и злым. Но то, что он говорил...

– А не скажешь, так Ирку вашу заловят и завалят, понял? Знаешь, что это такое, козявка вонючая? Вас со Славкой в мясо прибьют, а Ирку так уделают – потом никому нужна не будет, понял?

Витька свернулся клубком, уткнулся в пол. Дима отвернулся от него и, глядя под ноги, глухо произнес:

– Еще скажешь, что испугались и вещи не понесли домой, а спрятали в кустах, в сквере, а когда пришли – их уже не было. Понял?

Витька молчал.

Анненский пошел к выходу, и Славка отшатнулся в глубь шкафа. Жесткие кружева опять царапнули щеку, и слезы навернулись на глаза, но не от этой маленькой боли. Он сидел на корточках, неподвижно глядя на светлую щель в приоткрытой дверце. Он не понял, что именно должны они с Витькой сделать. Но что-то придется сделать, что-то плохое, а иначе... Ирка...

По пути домой Дима позвонил из телефона-автомата. В первый раз ответила женщина – он нажал на рычаг. Подождав немного, опять набрал номер.

– Я сказал, – прошептал он, услышав знакомый голос.

– А? Кто это? – раздраженно спросили в ответ.

– Это я... Анненский. Я сказал! – повторил он уже громче.

– Ну и?..

– Согласился.

– А второй?

– Куда он денется!

– Точно?

– Ну.

– Тогда нормально. Молодец. Ну, пока.

Зазвучали короткие гудки. Дима отошел от автомата.

Уже светилась оранжевая прозрачная луна, сладко пахли липы. Но ни нормально, ни тем более молодцом Дима себя не чувствовал. Он постоял, потирая горло, которое почему-то не переставало саднить после разговора с Витькой Косихиным, и вдруг, прохрипев что-то, яростно бросился в аллею. Деревья легко ломались под его злыми руками, они были молодые, слабые еще...

Наши дни

К утру даже заснуть удалось. Алена смогла убедить себя, что в угрозы этого идиота совершенно не поверила. В смысле, в угрозы в собственный адрес. Это, конечно, грязный и мерзкий блеф. Если он мнит себя круче вареных яиц и Волжского откоса, если уж такой ненависти к обидчику полон, мог бы сразу прибрать свидетельницу к рукам. Конечно, та скорость, с которой он ее вычислил, впечатляла... С другой стороны, что уж тут особенного? Та фотография в ее привате на форуме, стенд с книжками Алены Дмитриевой... Достаточно набрать ее имя в любом поисковике, и получишь за сотню тысяч результатов. Наверняка где-то отыщется ее фото. Можно сравнить с той, которая в привате, и убедиться: ошибки нет. У нее не раз брали интервью, в которых она не скрывала свою настоящую фамилию – Ярушкина. Ну да, нашу героиню звали Еленой Дмитриевной Ярушкиной, но псевдоним нравился ей куда больше, поэтому человек, назвавший ее «по правде», рисковал заслужить ее недружелюбие...

Итак, узнав подлинное имя Алены, неизвестному защитнику блондинки на «Лексусе» оставалось только позвонить в справочную. Существуют также компьютерные программы, в которых по телефонному номеру можно выяснить адрес. Все просто, все очень обыкновенно. И ужасно гнусно, если вспомнить эти вспышки за стеклом неизвестного автомобиля, это непереносимое желание испортить жизнь Дракончегу – и лишить писательницу Дмитриеву той частички нормального плотского, женского счастья, которое приберегла для нее судьба.

Ну и что делать, интересно? Может, в милицию пожаловаться? Или сразу Льву Ивановичу позвонить, а? Лев Иванович Муравьев, начальник следственного отдела городского УВД, был добрым, но иногда и недобрым (в зависимости от настроения, но чаще все-таки добрым) знакомцем писательницы Дмитриевой. В глубине души признавая ее несомненный дедуктивный талант, порою беззастенчиво пользуясь им, иногда все же помогая ей, соглашаясь с тем, что именно Алена однажды не дала увести из местного музея полотно, являющееся, несомненно, национальным достоянием, и даже прославляя ее публично³, он все же не упускал случая высказать свое мужское презрение суетной бабенке, преисполненной сознания собственного величия. Ну вот сложился у Муравьева такой образ нашей писательницы, ну что с ним поделаешь... И можно представить, что ждет Алену, решишь она пожаловаться ему на шантажиста! Муравьев уже оказался в курсе одного ее романа... того самого, рокового, незабываемого, неслыханного... в том смысле, что не только рукописи, но и некоторые чувства не горят! – героем которого был красавец изрядно моложе ее⁴.

И вот теперь опять схожая история... Да он Алену на смех поднимет со свойственной ему «чуткостью»!

«По себе деревце надо рубить, Елена Дмитриевна, – ляпнет что-то этакое, прекрасно зная, что она терпеть не может свое имя и отчество. – Нашли бы себе какого-нибудь старичка... а то что это, понимаете, с мальчишками в детские игры играете!»

Ну разумеется, это Алена уже накручивала себя. Про старичка Лев Иванович ей в жизни не скажет – просто потому, что сам старше ее, да и вообще это из рук вон, говорить такое! Какого старичка ей можно посоветовать?! Алене не слишком-то за сорок, ну что за чушь, в самом деле?!

Есть один самый серьезный довод против того, чтобы обращаться за помощью к Муравьеву. Для него то, что произошло около «Этажей», – однозначно уголовное преступление. Он вцепится в Алену мертвой хваткой, чтобы заставить ее описать хоть какие-то приметы того

³ Об этом можно прочесть в романах Елены Арсеньевой «Крутой мэн и железная леди», «Мода на умных жен» и «Ведьма из яблоневых садов» и других, выпущенных издательством «Эксмо».

⁴ Читайте об этом в книге «Час игривых бесов» Елены Арсеньевой, издательство «Эксмо».

мужчины. И кто знает, откажись она или соври, не грозит ли ей опасность куда более серьезная, чем шантаж? Не то чтобы она хорошо знала Уголовный кодекс, но, кажется, существуют наказания за отказ помогать следствию?

Н-да...

Что же делать?

Алена лежала в темноте зажмурившись и вспоминала. Оказывается, она очень даже неплохо помнила того человека. Ему нет сорока, довольно высокий, глаза серые, волосы – соль с перцем, как говорится, коротко стриженные. Черты лица правильные. Н-да... довольно обтекаемый портрет. Одет он был в короткую замшевую куртку с барашковым воротником (куртка вроде светло-коричневая), без шапки, шея обмотана бежевым шарфом, еще, кажется, был он в джинсах... про обувь Алена совершенно ничего не могла сказать. Не густо, конечно, но Алена узнала бы его при встрече. А эту встречу обеспечить реально: узнать имена всех владельцев бледно-зеленых «Рено» в городе. Конечно, их много, но не бесконечное же количество! То есть это было бы реально, если бы Алена решила действовать именно таким образом. Пожалуй, это единственный путь. Но он для Алены закрыт – хотя бы потому, что провести ее по нему может только Лев Иванович, а это значит просто сдать ему хорошего человека и ее, Алениного, можно сказать, спасителя. Вполне возможно, шантажист тоже обладает большими возможностями искать пути, но и ему Алена не собирается предоставлять таких возможностей.

Значит, нужно попытаться найти того человека как-то иначе. Причем сделать это за два дня, предупредить его об опасности. Попросить как-то помочь ей самой выбраться из этой кошмарной ситуации. Вообще, по-хорошему, он изуродовал дорогущую машину. Конечно, третий закон Ньютона и все такое... но все же, может быть, он не откажется заплатить какие-то деньги блондинке и ее другу? Извиниться перед ними?

А если откажется?

Ну, тогда придется просто и прямо сказать ему, что Алена, конечно, ему очень признательна и все такое прочее, но ей дороже Дракончег и его спокойствие. А также свое собственное. И если он не готов уладить ситуацию добром, она предоставляет ему выбор: либо она сдаст его незнакомцу, любителю ночных звонков, либо... Льву Ивановичу Муравьеву. Она не хочет этого, ей это противно, но он должен понять, что... как это написал один парень с форума? – тут уже налицо конфликт морали и УК РФ. А еще Остап Бендер завещал чтить этот самый УК. Или что-то в этом роде...

Ага, ты просто классно все распланировала, но как, ради всего святого, ты найдешь этого человека?! Как найдешь без единой зацепки?!

Вот на этом самом месте вконец измученная Алена и уснула наконец. Проснулась, когда за окном был уже белый день. Десять часов, Господи всеблагий!

Сон не принес, к сожалению, ответа на вопрос, как найти владельца «Рено». Снились Алене почему-то книжки. Причем невесть какие. В смысле, названий и имен авторов на них не было. Алена перебирала их, пытаясь понять, кому они принадлежат, но не могла. Кроме того, стоило ей открыть книгу, как со страниц исчезал текст. Вконец отчаявшись, Алена открывала последнюю с особенной осторожностью. Но текст все же исчез, а вместо него на странице появилась небрежно намалеванная рожица и два коротких слова: ХА-ХА!

– Ха-ха, – произнесла Алена задумчиво. – Ха-ха... Что?!

Сорвалась с постели и опрометью, не надев даже халата и тапочек, в пижаме и босиком, ринулась в коридор, где стояла сумка. Высыпала из нее все, принялась искать. Нет, картонки, которую она подобрала вчера на стоянке и на которой было накорябано то самое «ха-ха!», Алена не обнаружила. Ах да, она же сунула ее в сумку с яблоками и прочими продуктами. То есть в пластиковый пакет. А пакет, опустошив, сунула под кухонную мойку, чтобы потом использовать для мусора. Надо надеяться, картонка не погребена под яблочными очистками и яичной скорлупой?!

Она вытащила из-под мойки несколько пустых пакетов и обшарила их. А это что такое? Как туда попала визитка какого-то Нино Лито? И почему Нино, а не Нина? Опечатка, что ли? Или эта Нино – грузинка?

Видимо, то, что Алена проспала так долго, сыграло свою пагубную роль. Она не тотчас вспомнила, что Нино, НиНо – это аббревиатура: шутовское, сокращенное название Нижнего Новгорода. А что такое Лито? Вроде бы так называются литобъединения молодых писателей...

При этом слове у Алены в памяти возникла компания неряшливых бородатых дядек в каких-то ботах, растянутых на коленях брюках и заношенных, пропотевших свитерах. Компанию им составляли обрюзгшие тетеньки, одетые нелепо и претенциозно, с непременной пачкой сигарет в кулачке. Запах дешевого алкоголя и еще более дешевого пива налетел, повис сизый дым дешевых болгарских сигарет «Ту-134», «Интер», «Родопи»...

Нет, это воспоминания примерно двадцатипятилетней давности, и относятся они к тому времени, когда Елена Ярушкина (нет, тогда, еще в девушках, она носила фамилию Володина!) только оттачивала, что называется, свое перо и пыталась получить на эти опусы отзывы мэтров. Мэтры – члены Союза писателей, организации, в былые времена мистически могущественной! – ни качеством одежды, ни распушенностью от подопечных своих, вечно молодых и перманентно начинающих поэтов-прозаиков, почти не отличались, были так же нищи и неухоженны, а потому рафинированная эстетка, какой всегда, всю жизнь была наша героиня, их одобрением не пользовалась. Ну что ж, Алена от них немедленно сбежала и больше не возвращалась. Отчасти поэтому ее отношения с братьями-писателями этого самого НиНо всегда были весьма напряженными. Но вот интересно, как это к ней попала карточка Лито?

Алена перевернула ее – да и ахнула. На нее весело смотрела кривенькая улыбающаяся рожица, под которой было написано:

ХА-ХА!

1985 год

Никита Лосев работал в прокуратуре сельского района совсем недавно. Раньше он был участковым, потом оперативником, учился заочно в юридическом. Но еще прежде, до прихода в милицию, он окончил университет – факультет журналистики – и, сменив профессию, еще изрядное время продолжал воспринимать себя как персонажа собственного, наполовину относящегося к реальности, наполовину придуманного материала, очерка ли, зарисовки, – как, впрочем, и людей, с которыми приходилось встречаться. Уже в университете он набрался той хваткой поверхностности, которая порою помогает способным газетчикам тянуть и норму, и строчки давать, но постепенно приучает их смотреть на жизнь словно бы сквозь защитные очки, не видеть за «героем» человека, за «фактурой» – реальность, за «изюминкой» – боль.

Короче говоря, работая оперуполномоченным, Никита замечал прежде всего калейдоскоп событий. Следственная работа столкнула его лицом к лицу с людьми, и здесь Никита делал для себя открытия на каждом шагу. Он предпочитал помалкивать об этих открытиях даже в кругу ставших приятелями коллег, потому что окружали Никиту люди очень опытные, трезво, с оттенком горечи и недоверия глядящие и на жизнь вообще, и на человеческую природу в частности. Их уже трудно было чем-то удивить, а Никита пока еще не мог переступить порога раздражающих его противоречий и чем дальше, тем сильнее ощущал в себе куда больше досады и разочарования, чем любви и веры в перерождение человека.

Муж Катерины Долининой, оставшийся теперь вдовцом с двумя неродными, прижитыми Катериной от других мужчин детьми, которых он тем не менее и помыслить не мог бросить, отказался разговаривать с Никитой. Все это время Долинин был уверен, что жена ушла от него, сбежала от детей, и сухое лицо его приобрело выражение постоянной угрюмости, затаенной обиды не только на Катерину, но и на всех людей, особенно на односельчан. Несмотря на то что относились в поселке к Катерине в общем-то неплохо, никто не мог отказать себе в удовольствии строить прилюдно предположения о ее новой судьбе, новой жизни, может быть, новом мужчине... И вдруг – вообще никакой жизни не оказалось! И не зря Никите чудилось, что каждый, с кем бы он ни говорил о Катерине, теперь пришиблен стыдом. Люди искренне пытались помочь следствию, но больше они хотели снять с себя грех суда – несправедливого, неправедного. Каждый заботился о своей душе, как будто осуждение мертвой значило больше, чем обида живой. Но Никите-то нужно было совсем другое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.